

Елена КЛЕПИКОВА, Ксения ЗЕМСКОВА

МЕЖДУ СНЕГОМ И ДОЖДЁМ

18+

Окончание. Начало в № 5, 2024.

Глава восьмая

В почте больше недели лежало письмо от Роны. Даша так обрадовалась весточке от подруги – сразу пробежала письмо глазами и отложила написание ответа на вечер. «Вот прочитаю внимательно, проникнусь и разойдусь на десять страниц, соскучилась ужасно». А потом её захватили заботы дня – неотвратимо надвигалась первая в жизни сессия, и пришлось засесть за учебники, готовясь к экзаменам и зачетам. Плюс переписка с Игорем. Это превратилось в какое-то наваждение. Каждый писк телефона заставлял вздрагивать и лихорадочно лезть в чат. Писать первой пока не решалась, но незамедлительно отвечала на все его сообщения – смайлики, рассылки, шутки и просто ни к чему не обязывающее «как дела?».

Про так и не написанное письмо Роне она вспомнила через несколько дней, когда телефончик пикнул эсэмэской от службы спасения города: «Ожидается сильный снегопад и похолодание». Даша открыла почту, нашла письмо от подруги, перечитала. «Скучно, скучно, скучно! Как же ей скучно там, в клинике. Надо написать ответ», – раскаяние царапнуло острым коготком. Но письмо получилось сухим и холодным – слова сочувствия казались фальшивыми. «Уже декабрь, может, она выписалась и давно дома? А я тут со своим сопереживанием и письмом запоздавшим лезу... Да нет, была бы дома – позвонила бы или маякнула». Даша в сотый раз за день проверила чат – не пришло ли чего от Игоря, и уничтожила ответное послание. «Надо по-другому. А вот как по-другому?» Она закрыла почту: «А, напишу позже».

Посмотрела на время: пора было собираться на встречу в «Перо Пегаса». Игорь намеревался прочитать своего «Вампира И» сегодня. Даша покачала головой. «Вот чем бы я поделилась с подругой. Своим раздраем внутренним. Как может такой красавец писать жуткую галиматью? Ронка, как я должна править вот это: “Как только девушки видят улыбку вампира, они готовы к поцелую смерти, они жаждут его, они летят в мои объятия, как мотыльки на свет”? Смешной. Слова неотделимы от Игоря, и как я могу их править? Всё равно что редактировать эти губы, приказывая им не улыбаться, этот взгляд – прося его не жечь меня, эти руки – не позволяя им дотрагиваться до моей руки... И глухой проникновенный голос. Я знаю, он тебе не нравится, может быть, даже отвратителен, но мне кажется таким милым! Что было делать, подружка? Я поправила орфографию и разбила текст на абзацы. Вот и вся правка».

Когда Даша влетела в аудиторию, теплая компания уже устроилась в первом ряду. Каринка и близняшки Кисуля с Лапулей жаждали насладиться успехом кумира.

– А где Зюма? – Даша присела рядом с Игорем. Теперь это место всегда было свободно для неё.

– А ей, видите ли, неинтересна вся эта «литературщина». Забила она на меня сегодня, – Заруцкий недовольно скривился.

Даша вздохнула с облегчением. Все Изюмочкины подколы надоели хуже горькой редьки, и она с трудом терпела её в последнее время. Не то, чтобы блондинка внушала страх, нет. Просто вокруг неё распространялась непонятная и необъяснимая, ничем не спровоцированная агрессивная аура.

– Но зато я рядом.

– Да если бы ты не пришла, я бы застрелился, моя дорогая. Ты теперь мой соавтор и мой редактор.

«Обычно имя соавтора указывают на рукописи рядом со своим, – Даша оглядела аудиторию. – Ну да ладно, там от моего соавторства – только правильно расставленные запятые».

Все были на месте – Донкихот с Санчопансой сидели, как всегда, плечом к плечу, готовые и к защите, и к нападению. Появились какие-то новенькие, не хватало только Ронки и... Вдруг дверь отворилась и в аудиторию порывисто шагнула Жердь. Девушка изменилась: похудела, осунулась. Большие новые очки делали лицо мрачным.

Ссутулившись, Жердина решительно промаршировала к пустому столу, села и приготовилась слушать.

«Так, а Игорь сейчас зачет про прекрасного вампира, обольщающего девушек. Божечки, вампирский поцелуй и феминизм! Что же сейчас будет?» – Даша зажмурилась.

В аудиторию бодро забежал Карлыч, сорвал с головы пеструю шапку с помпоном, замахал на привставших студентов:

– Приветствую, приветствую!

Он скользнул взглядом по «литераторам», остановился на Жерди:

– А, вот и Адочка к нам пожаловала. – И после паузы бодро воскликнул: – С возвращением!

Бессменный руководитель «Пера Пегаса» положил рюкзак на кафедру, скрестил руки на груди, готовый отправиться в многотрудное плавание по текстам начинающих авторов.

– Ну-с, кто сегодня читать изволит?

Игорь степенно поднялся. Его бархатный глубокий голос разлился медом по аудитории:

– Позвольте мне, Рустем Арнольдович?

– Конечно, конечно, – обрадовался руководитель студии.

Игорь с достоинством прошествовал к кафедре. Встал в эффектную позу, выставив ногу вперед и прижав свободную руку к груди.

«Тебе бы в актеры, дорогой мой вампир И» – Даша поерзала на стуле.

«Итак, я пришел в этот мир, чтобы сделать этот мир счастливым. Но первыми я осчастливорю всех красивых девушек. В очередь, мои хорошие, в очередь», – закончил Игорь. «Девчонки» Игоря дружно захлопали, а Каринка даже пискнула: «Браво!»

Карлыч присвистнул и не сдержал улыбку.

– Ну, literarische Kameraden, дорогие мои товарищи по литературе, кто готов что-то сказать про подобный манифест?

С места вскочила Жердь. Она потрясла кулаком, а потом ткнула «перстом указующим» в чтеца:

– Это сексизм! Угнетение женщин! Текст поддерживает патриархат и лидирующее положение мужчин и дискриминирует женский пол!

Она хотела еще что-то выкрикнуть, но не нашла слов и рухнула на стул.

– Ну, может, некоторые девушки хотят, чтобы их так угнетали, – заметил с места Санчопанса.

– Вот именно, – вскинул голову Игорь.

– Этот текст – худшее, что я слышала в жизни, – опять поднялась Жердь. – Да мне блевать хочется после такого вампирячества. Бу-э-э!

В аудитории повисла нехорошая тишина.

– Ты... ты... – оскорбленный автор сжал кулаки, – да кто ты такая? Ада – исчадие ада. Вот и валяй в свой ад!

– Он мне в лицо плюет! В самую душу! При всех! При свидетелях! Да я на тебя в суд подам!

Карлыч устало оперся на кафедру.

– Помнится мне, мы уже все давно в суде должны быть. Еще с прошлого раза. Давайте начнем с того, что вы сами оскорбили автора неприятными звуками. Не будем же заходить на опасную территорию конфликта.

– Вы все сговорились против меня! Это травля! – Жердь оглядела аудиторию в поиске поддержки. её голос дрожал, руки, поправляющие очки, тряслись.

– По-моему, вы первая травите автора, – включилась Каринка.

– Всюду, всюду ненависть! Всюду нападки! – злобно закричала Жердь. – Вы специально подстроили чтение этой дряни для меня!

– Ада, помилуйте, – вскричал Карлыч, – да как же мы могли такое подстроить! Я и сам хм-м-м... Под большим впечатлением от «шедевра», так сказать.

– Так вам еще и нравится? И вы под большим впечатлением?

– Да, как слышала, – перебил Игорь, – а если ты ничего не понимаешь в искусстве, нечего по литературным клубам бегать.

Карлыч в бессилии воздел руки к потолку.

– Текст хреновый, – вмешался Донкихот, не вставая с места. – Но не потому, что вампир кусает исключительно красивых девушек, а потому что он хреново написан.

– По очереди, ребята, по очереди! – крикнул Карлыч. – Хреновый – это не аргументация.

Но вокруг уже разыгралась словесная баталия: Игорь яростно напал на Жердь и на Донкихота одновременно, Каринка поддерживала его одобрительными выкриками, а Кисуля с Лапулей хихикали.

– Тихо! Всем тихо! – попытался восстановить дисциплину руководитель, но пегасовцы продолжали яростно спорить.

Тогда Рустем Арнольдович стукнул по кафедре кулаком. Звук получился глухим, и никто не обратил на него внимания. Рустик прыгнул в угол, выхватил оттуда огнетушитель и направил его на студентов:

– Пожар! Пожар! – закричал он.

Воцарилась тишина.

– Все вон из аудитории! – разгоряченный Карлыч криво ухмылялся. – А не то сейчас залью!

– Ой, – Игорь произвольно прикрыл лицо ладонями.

– Все вон! – размахивая огнетушителем, заорал преподаватель. Выглядел он скорее жалким, чем устрашающим.

Студенты гурьбой, толкая друг друга, вывалились из аудитории.

– Всё, закрываем клуб! Чтобы до конца каникул я никого не видел! – крикнул руководитель «Пегаса» вдогонку.

Молодые писатели выскочили на улицу.

За короткое время земля и деревья покрылись густым белым пухом. Этот пух валил с неба крупными хлопьями, и всё было белым-бело.

– Никогда я Карлыча таким бешеным не видела, – жаловалась Даша Каринке.

– Это что, у литераторов всегда так весело, – Кисуля с Лапулей уже не сдерживались и хохотали во все горло, и эхо гулко металось между каменных колонн центрального университетского входа.

Ада-Жердь громко затейливо выругалась и пошагала от честной компании прочь. К Кисуле и Лапуле присоединились все остальные.

– Вот «чудо», – брезгливо сказал Игорь, вытирая лоб.

– Как ты там сказал? Ада – исчадие ада? – прищурился Донкихот. – Но и она права, текст твой – такая хрень! Ни словами описать, ни матом проинформировать.

– Что ты сказал?

– Что слышал. И я не изменю своего мнения ни при каких обстоятельствах, – Донкихот смачно сплюнул себе под ноги.

– Аргументируй! – Игорь двинулся на обидчика.

– Хорошо, аргументирую! Три страницы о том, что можно было бы сказать в одном предложении – раз! – громко и с расстановкой перечислял Донкихот. – Масло масляное, повторяющиеся слова, всюду я-я-я – два! Да и потом – а какая сверхзадача у текста? А сверхзадача – самолюбование автора. Автор в сотый раз хочет услышать, что он красив, удачлив и обаятелен – три! И это всё – тьфу!

– Ах ты... – воскликнул уязвленный создатель текста и замахнулся на оппонента. Донкихот увернулся и четким движением двинул кулаком в лицо Вампиру И.

Девчонки завизжали. Даша схватила Каринку за руку и втиснулась между парнями. Близняшки обхватили сзади Донкихота.

На шум из здания выскочил охранник:

– В ректорат захотели перед сессией? А ну-ка пошли отсюда!

Игорь спустился вниз по ступенькам и отправился прочь от учебного корпуса. Ошеломленная «вампирская» компания двинулась за ним. Донкихота выцепил верный Санчопанса и повлек в сторону, приговаривая:

– Не кипишись, лучше Карлыча подождем и до дома проводим. А то неизвестно, что он еще выкинет.

– Дорогой, ну ты чего, – близняшки льнули к Вампиру И с двух сторон. Тот, закрыв лицо рукой, шипел и ругался сквозь зубы.

Высвободившись из объятий девчонок, он зашагал по аллее.

– Игорек, стой, – Каринка ринулась следом. Догнала, потянула за рукав. Вампир грубо оттолкнул девушку.

– Больно же, ты что? – обиженно вскрикнула она.

– Пусть валит куда хочет, – Кисуля и Лапуля потянули было Дашу за собой, но она вырвалась и кинулась за Игорем.

Кумир почти скрылся за густыми хлопьями снега. «Пусть поостынет немного. Но одного сейчас не оставлю».

Игорь нырнул под сень деревьев, прислонился к стволу, и когда Даша замерла рядом, спросил глухо:

– Зеркало есть?

Она достала из косметички круглое зеркальце.

– Больно?

– А ты как думаешь?! Тебе бы так заехали, – Игорь скривился и посмотрел в зеркало, разглядывая багровое пятно. – Вот скотина, глаз подбил, как я завтра на люди покажусь? Хотел себе татушку над бровью набить, теперь натуральная под глазом, – мрачно пошутил он.

– Надо снег приложить быстро, – девушка выхватила из сумки платок, слепила снежок, завернула в ткань.

– Давай лучше ты. Да осторожней же, больно!

– Вот, потерпи чуток. Ну-ну, стой спокойно. Надо подольше подержать, быстрее заживет.

Заруцкий вдруг всхлипнул и зарыдал в голос.

– Эй, ты чего? – пролепетала Даша.

Игорь махнул рукой – прикладывай, мол, и грубо выругался. «Ненавижу, – промычал он, – ненавижу-у-у...»

– Может, в травмпункт надо?

– Положат в больницу?

– Да не, вряд ли, – такая наивность удивляла и смешила. – Но, может быть, обезболивающее выпишут или еще чего посоветуют.

– Мерзавец, гадина! Найду – урою! – Игорь выдернул платок со снегом у своей утешительницы и пошел прочь.

Глава девятая

Первый снег выпал в середине декабря, укрыл город, превратил его в сказку. Рона вернулась домой. После туманного сырого Петербурга свежий морозный воздух предгорий радовал. Печалило и мучило одно: она никак не могла встретиться с Дашей. Несколько дней на все предложения та отвечала односложно. Или обещала подумать, выкроить время. А потом извинялась и отговаривалась тотальной занятостью. Как же, конец семестра, первая сессия на носу, и она, Даша, хочет сдать экзамены на отлично. Еще предзачетные рефераты и прочая, прочая, прочая... В общем, некогда, подруга, сорри. Потом как-нибудь. Рона колебалась, мысленно готова была поставить точку в отношениях. Но что-то удерживало её. Какое-то неясное предчувствие, что Даше может понадобится помощь. Поняв, что сейчас никак не вписывается в жизнь подруги, она просто отошла в сторону. До лучших времен или до никогда. А так много надо было рассказать.

За неделю до выписки она познакомилась с парнем – обратила на него внимание в кабинете физиотерапии. Точнее, сначала на рыжие волосы, густые и короткие. «Надо же, как шапочка из медной проволоки». Рона не успела отвести взгляд, парень повернулся, и она увидела его глаза. Черные, показалось сначала, но, всмотревшись, поняла – синие-синие. Черными их делали расширенные от боли зрачки.

– Тоже больно? – рыжий усмехнулся сочувственно.

– Ужасно, – призналась девушка.

– Тогда давай разговаривать. Отвлекает.

Слово за слово, за двадцать минут они умудрились стать друг для друга близкими людьми, и шесть с половиной оставшихся дней каждую свободную минуту проводили вместе. Говорили и не могли наговориться. Уже в последний день узнали, что оба из одного города. Даже жили на соседних улицах. И это сблизило их сильнее. Обоим нравились фантастика и детективы, тяжелый рок, степь, горы, запах свежескошенной травы и гроза.

Рона рассказала о Даше, своей единственной подруге. По крайней мере, хотелось думать, что пока еще подруге. Ни сообщений, ни писем не было давно. Рона не понимала, что происходит, переживала, вдруг что случилось. Ринат же признался, что у него друзей нет. Есть товарищи, с которыми «можно пойти в разведку», есть приятели, с которыми можно потусить. А вот друга, который бы понял и, если нужно, простил – нет.

– Знаешь, у меня девушка была... Красавица! Умная. Добрая...

– А где она, почему не пишет?

– Я же говорю – умная. – Ринат засмеялся. – Когда всё случилось, я же как овощ лежал. Позвоночник в двух местах сломан – ни рукой, ни ногой пошевелить не мог. Только глазками луп-луп. Врачи сказали – «навсегда». Приговорили.

– Ну? А она что?

– Какое тут «ну». Пришла, говорит, я люблю, но к такой жертве не готова. Молодец. Честно сказала. Даже предложила друзьями остаться. Зачем?

– Так это что, нож в спину, получается...

Рона подумала: а как бы поступила она сама? Их обоих волновало предательство, что же это, как оно появляется, и как с ним жить и мириться.

– С какой стороны посмотреть. Зла на неё не держу. Я как заново родился. – Ринат пожал плечами. – Ты знаешь, мое имя переводится как обновленный или заново родившийся.

– Точно, ты сейчас вон какой, – Рона замялась, пытаясь подобрать верное слово.

– Бугай?

– Ну да, здоровый. Здоровенный.

– Спасибо родителям – не поверили врачам. Надежда-то последней умирает. Всё что можно продали и возили меня по госпиталям да клиникам. Полтора года мучились. Я такой злой был: сначала умереть хотел, а потом на них посмотрел, понял – не могу их предать. И злость уже другой стала. Знаешь, такой: «не дождетесь!» Так на их вере и моей злости и поднялся.

Рона не знала, вернется ли Ринат в родной город. А если вернется, то когда и надолго ли. Она просто очень хотела встретиться с ним снова. И вот обо всём этом надо было рассказать, поделиться с подругой сокровенным. Попросить совета.

Рона торопилась домой. Сумка с распечатками лекций и ноутбуком оттягивала руку. «Нормальные всё-таки одноклассники оказались. Не друзья, да. Пока в больничке валялась, ни один не позвонил, даже сообщения ни одного не прислали. Зато сейчас помогают, чем могут», – Рона вдохнула холодный воздух. Грядущая сессия уже не казалась такой страшной. Если что, ребята подскажут или шпаргалку подбросят. Для полного душевного спокойствия оставалось только увидеться с Дашей, но та написала длинное сообщение-оправдашку. Что, мол, вечером идет в копи-центр распечатывать шпоры на всю группу. Вечером с девочками будут читать вслух, готовиться.

Подтаявший за день на тротуаре снег превратился к вечеру в тонкий ледяной накат. Рона осторожно перебирала ногами, но всё-таки поскользнулась. Взмахнув сумкой, с трудом удержала равновесие.

– Курица криволапая! – из кафе вывалилась шумная компания, и тяжелая сумка краем задела кого-то.

– Простите, не нарочно.

Рона подняла голову. Перед ней стоял Игорь и все его «зайки-пупсики». Девушкой, которую по-хозяйски прижимал к себе Заруцкий, была Даша. «Вот, значит, какие это “шпоры”». Глядя в глаза подруге, сказала: «Привет копи-центру». Оттолкнула плечом то ли Карину, то ли Зюму, прыгнула с тротуара в снег и быстро пошла прочь. Её переполняла холодная ярость, вслед донесся слабый голос Даши: «При...»

Конец слова потонул в хохоте – компания закатывалась:

– Ой, ржу, не могу, «копи-и-и-центр», – Каринка согнулась пополам.

– А видели, как она через бордюры сиганула? – перебила Зюма. Она единственная не смеялась. – Как птица с подбитым крылом...

– Тогда это не курица, ворона! – заливалась Лапуля.

– И взгляд! Вы взгляд видели? – подхватила Кисуля. – Как через прицел посмотрела!

Даша криво улыбалась, хотя ей было больно и стыдно. Больно за подругу, стыдно за себя и противно от смеха девчонок. Но рядом стоял Игорь,

его рука ласкала Дашину спину, и непонятное пока еще, непреодолимое желание затмевало разум.

Скрип снега под ботинками отзывался в груди царапаньем. Рона свернула в незнакомый неосвещенный двор, прислонилась к шершавому стволу карагача. Сумка мешала, и она раздраженно бросила её на землю. Непослушными руками вытянула из кармана пачку сигарет, достала одну, прикурила. Дым пополз в легкие – Рона закашлялась, затаилась пару раз, выбросила окурочек. Вытащила пачку, смяла и отправила вслед за окурочком. Причудливо закручивается жизнь. В Питере ливень, тут, дома, – снег. Там Ринат, здесь – единственная подруга. «Прекратить отношения», то есть разорвать дружбу, заставить себя забыть это всё можно. Но как жить с душой, изодранной в клочья... Как вернуться к одиночеству? «Дашка – маленькая, попала в этот студенческий полувзрослый мир, переполненный амбициями и постоянным желанием что-то доказать друг другу. Показать свою исключительность. А тут павлин Заруцкий с песнями. Нарисовался, красавец». Рона подняла сумку и, сглатывая слезы, побрела домой. «Пусть всё будет как будет. Между снегом и дождем. Надо встретиться, поговорить, а там как фишка ляжет».

Дома она, как неприкаянная, мыкалась из угла в угол. Комната казалась тесной и душной камерой, а в ушах стоял обидный хохот павлиньей компании. Кристалл под бледным светом луны показал незнакомую квартиру, тени танцующих людей. Дашу, сияющую, счастливую, трепетавшую языком пламени. А потом огонь полыхнул, и подруга рассыпалась пеплом. «И как это понять? Вырвать из сердца с корнем или... Или, или, или. Впрочем, как говорила Скарлетт – я подумаю об этом завтра».

Рона долго ворочалась в постели, пытаясь устроиться удобнее. Никак. Горячая подушка сбивалась комом, плед сползал на пол. Счет овец, облаков и розовых слоников, от одного до ста и наоборот, не помогал. «Только дураки считают и думают, что это поможет». Она выпила три таблетки валерьянки, и постепенно веки отяжелели, и измученный разум получил долгожданную передышку.

В тяжелый предрассветный час Рона почувствовала на шее холодные пальцы. С трудом открыла глаза и увидела над собой лицо подруги, застывшее и чужое. А ледяные пальцы сжимались всё сильнее. Рона, задыхаясь, через силу прохрипела: «Что ты делаешь?» Губы Даши чуть дрогнули, улыбка исчезла, так и не появившись. Теряя сознание, Рона вцепилась в склоненное лицо и изо всех сил потянула вниз. Кожа сползла, как карнавальная маска – на Рону пустыми глазницами смотрел череп. Кроме мертвящего холода и пальцев, сдавливающих шею, ничего не осталось в этом сером мире. А потом череп растаял, хватка на шее ослабла, и Рона выдохнула: «Не дождетесь...» Она проснулась с колотящимся в горле сердцем. Ненависть переполняла её – ненависть к себе, к подруге, к несправедливости, к неисполненным ожиданиям. «Не дождетесь!» – повторила Рона, взяла ноутбук и застучала по клавиатуре.

«Снег падал редкими пушистыми хлопьями, ложился на землю мягким ковром. Тия сделала шаг – снег хрустнул. “Эх, санок не хватает и валенок, красненьких таких, с галошками”. Откуда взялись санки и валенки, Тия не понимала, но чувствовала, что когда-то в чьей-то жизни это было: и железные санки с полосатым матрасиком, и красные валенки, и хрустящий, как крафтовая бумага, снег.

– Пойдем уже, – обернулась она к Мешку.

– Ага. Щас доем и пойдём. – Глазки у Мешка превратились в щелочки, щеки и рот лоснились от жира. Жиром были перемазаны и лапищи. От окорока осталась лишь кость. Мешок с сожалением оглядел её, повертел, а потом разинул рот и, как заправский факир-шпагоглотатель, протолкнул кость в горло. Сыто икнул. – Вот теперь пошли.

Тя обернулась – на снегу отчетливо выделялись две цепочки следов:

– Слушай, а зачем мы туда идем? Ну, к “колесу” этому?

– Все туда ходят. – Мешок цыкнул зубом. – Сейчас ты маленькая, а там станешь большая, – хихикнул мерзко. – Взрослая.

Они шли и шли. Казалось, что уже должно стемнеть. Но как может темнеть в мире, где нет ни Луны, ни Солнца. И если такой серый день, то должна быть такая же серая и ночь. Снегу напало почти по пояс, и девушка пропустила попутчика вперед, пристроилась за широкой спиной.

Мешок торил тропу, и за ним следовать было легче. У Тии разболелось горло от частого карканья. Да и каркать удавалось с переменным успехом. То выпадала какая-то несущественная мелочь: коржик, куриный окорочок, упаковка чипсов или пакетик арахиса – их Мешок жевал вместе с упаковкой, не заморачиваясь на распечатывание. Тогда он останавливался, начинал ныть и хныкать, а Тие приходилось напрягать голосовые связки, чтобы “выкаркать” что-то более “долгоиграющее” – торт, рождественскую индейку или батон докторской колбасы.

Снег всё падал и падал. И где-то у горизонта, не приближаясь ни на метр, проблесковым маячком посверкивало “колесо”.

– Когда ты уже нажрешься, – проворчала Тия и уткнулась в спину спутника. – Ты что встал?

– Гы-ы, – отозвался Мешок, – там пусто. Дыра. Большая.

Тия выбралась из-за Мешка. Снег падал перед ней, но не на землю, а куда-то вниз. Они стояли на краю бездны, пугающей и манящей.

– Нам туда, – Мешок потыкал лапой в далекий огонек.

– Знаю, что туда, а как? – Тия злилась на спутника. Тот пожал плечами. – Давай мост поищем. Ты – направо, я – налево.

– Нет. Вместе.

– Ладно. Пошли налево.

– Почему?

– По кочану! – Как же достал Тию этот упертый тупица. – И по капусте!

– Хочу капусту! И направо!

– Ну и иди, а я – налево.

– Нет! – Мешок разозлился. – Вместе!

– А я каркать не буду!

– А я сытый. Направо!

“Ура! – возликовала Тия, – Каркать не надо”.

– Черт с тобой, направо так направо.

И они повернули направо, побрели вдоль края. “Колесо” вдали тоже покатило вправо, обогнало попутчиков, затем замерло и замигало красным-зеленым-красным.

– Давай туда скорее! – Тия обеими руками толкнула Мешка. – Шевелись! Бегом, бегом!

Они остановились напротив “колеса”. К самому краю земли был прицеплен исчезающий в снежной пелене хлипкий веревочный мост. “Не пойду. Ни за что”. Тия панически боялась высоты и глубины. “Тогда замерзай здесь, – отозвался в голове саркастический голос Ворона. – Невозвращенка”.

– Эй, деушка, двигай за мной! – Мешок прыгнул на мост. Неожиданно ловко, по-обезьяньи, цепляясь лапами за веревочные перила, побежал вперед и сгинул в снежной пелене.

Тия зажмурилась, вцепилась в веревку и шагнула на мост. Так, не открывая глаз, тихо подвывая от ужаса, она сделала несколько шагов и вдруг почувствовала рывок вперед и вверх. “Вот и пришла смерть моя...” – она решила “взглянуть смерти в лицо” и прямо перед собой увидела скалящуюся в улыбке физиономию попутчика. Мешок на весу держал за куртку Тию, потом осторожно опустил её на снег. Путь через бездну оказался неожиданно коротким, но с подвохом. Мост на этом краю был прикреплен к обрыву гораздо ниже уровня земли и Тия так бы и простояла, упершись в стену, пока не свалилась бы вниз или не замерзла.

– Спасибо, – помертвевшими губами прошептала девушка.

– Ага. Ка-аркни-и, – просительно вытянул губы трубочкой Мешок.

Тия каркнула. На Мешка свалилась огромная корзина алых роз. Тот зачавкал, объедая цветы, и затрусил вперед.

– Мы сгинем здесь. – Тия так устала, что уже спокойно говорила о смерти. – Умрем, и даже хоронить не придется. Снежком завалит.

– Ага. Завалит, – жизнерадостно отозвался Мешок и захрустел корзинкой.

Неожиданно раздался удар гонга. Звук, угасая, становился всё тоньше и тоньше, перешел в свист, от которого заложило уши. Мешок обернулся, закричал что-то неслышное, и внезапный могучий порыв ветра буквально “впечатал” Тию в спутника. Тот обхватил её лапищами и упал, прикрыв собой.

Свист перерос в визг и вой, от которого волосы вставали дыбом и тело покрывалось гусиной кожей. Что происходило, Тия не знала, просто, когда уже не осталось сил выносить этот животный ужас, всё смолкло и наступила тишина.

Мешок приподнялся, Тия с трудом выползла из-под него и прямо перед собой увидела дом. Самый обычный небольшой деревянный дом. Такие домики рисуют дети: квадрат, треугольник крыши, труба, дверь и два окна. Правда, была у этого дома одна особенность – он был перевернут и стоял вверх ногами, на крыше. И не падал только потому, что труба служила подпоркой. Окна дома призывно светились.

“Хоть сейчас повезло”. Тия подтолкнула попутчика, через чердачное окно они влезли в дом и по лестнице пробрались в комнату.

Странное дело, Тия ожидала увидеть сваленную в кучу мебель, осколки... словом, тот кавардак, который должен присутствовать в перевернутом доме. Но нет, на потолке, который стал полом, всё стояло аккуратно и на своих местах. Кровать в углу, резной буфет с посудой, домотканый половичок. И даже фикус в кадке у окна. А на окнах белые занавески-задергушки. На плите кипел чайник, под потолком покачивалась керосиновая лампа с зеленым абажуром. В круге света стояли две табуретки и накрытый к ужину стол.

– Здесь есть кто? Хозяева! – Никто не отозвался. Тия не стала задавать больше вопросов и порадовалась, что можно поесть и выспаться в тепле, никого не напрягая. Внезапно стекла задребезжали от удара ветра. За стенами завывало, загудело, зарокотало – разразилась страшная буря. – Мешок, ты что столбом застыл?

Мешок переступил с ноги на ногу, прогудел печально:

– Ветер сандалики забрал...

– Бедняга, – посочувствовала Тия, – давай-давай, садись к столу. Утром придумаем, что с твоей обувкой делать.

Они ели горячую картошку с маслом, и Тия, которую совсем разморило в тепле, клевала носом.

– Ты тут доедай, а я не могу, спать хочу... – Она доплелась до кровати, заползла под одеяло и провалилась в сон.

Во сне Тия снова брела по бесконечной равнине. И во сне падал снег, и скоро она уже не могла идти – снег завалил её с головой. Стало невозможно дышать, непомерная тяжесть навалилась сверху. Тия забарахталась, пытается выбраться из снежной ловушки, и проснулась. На неё сверху навалился Мешок, бормоча: “Хочу, хочу, хочу...” Тия видела его искаженное гримасой лицо, безумные глаза, попыталась вырваться, отбиться и, цепенея от страха, сквозь рев ветра, услышала волчий вой».

Глава десятая

«Что делать, что делать?.. Почему я не могу одновременно быть с Игорем и дружить с Ронкой?» После неожиданного столкновения у кафе подружки не встретались. На следующий день Даша написала сообщение, позвонить не хватило духу. Она просила прощения, признавалась, что теряет контроль и думает только об одном человеке на свете. Рона «покаянное послание» прочитала, но не ответила. Даша была в глубине души рада – Игорь занял, захватил, заполнил и сердце, и разум. «Как же мне быть?»

Шелковое платье приятно холодило кожу. Даша крутилась перед зеркалом. Впереди новогодняя ночь с ним! Конечно, на квартире, там, где они собирались праздновать, будут и Зюма, и Каринка, и Толян, и вся остальная компашка – но самое главное – провести новогоднюю ночь вместе. И родители отпустили, доверяют, считают взрослой. Щеки горели.

В который раз проверила телефон – может, Игорь что написал? Но нет, никаких новых сообщений. Да и что может быть нового? Десять раз уже всё обговорили – сбор у Зюмы, в девять вечера. На праздничный стол сбросились, пицца, суши, «лимонад» и что покрепче, как сказала хозяйка. Каринка обещала пирог испечь, она любит. От нечего делать Даша заглянула в почту – там уже несколько дней лежало непрочитанное письмо от Ронки с файлом повести. «Судя по дате, послание было отправлено в ночь после “встречи” у кафе. Вот почему подружка не ответила на мои извиняшки. Решила, что я на повесть забила, и на дружбу тоже».

«Повесть, повесть... Тия, Ворон и Мешок... Как будто где-то в прошлой жизни осталась эта повесть. Так далеко-глубоко», – Даша колебалась, никак не открывала файл.

«А если подумать, сколько я уже не писала? Сколько не возвращалась к нашей с Ронкой Тие, не перечитывала? Месяца полтора, наверное. Ну и ладно. Какой из меня писатель?»

Даша посмотрела в зеркало. Короткое красное платье сидело как влитое, распущенные волосы ложились мягкой волной на плечи.

«И кто они такие вообще, эти писатели? Странные люди, которые мечтают о порубанных на кусочки деревьях, переработанных в бумагу и пропитанных ядовитой типографской краской. Носятся потом с этими кусочками и гордятся: вот, моя книжка вышла в свет».

Воспоминания о Роне и о повести растревожили Дашу. «Нет, так нельзя. Под бой курантов загадаю помириться с подружкой. И чтобы ей обязательно понравился Игорь!»

Она отправила своему отражению в зеркале воздушный поцелуй и закружилась. Впереди было другое счастье – зримое, осязаемое, земное.

Без пяти девять Даша приехала к месту встречи. Дверь открыла Зюма. Голубое платье с блестками обтягивало тело красавицы как вторая кожа, на голове искрились рожки-снежинки:

– Заходи, милая.

Даша аккуратно, бочком протиснулась в прихожую. От Зюмы всего можно было ожидать, и эта приветливость вмиг могла обернуться каким-то подвохом.

Но встретившая её «Снегурочка» помогла снять пальто и провела в гостиную, где Каринка уже хлопотала над столом, а Толян выставлял на подоконник целую батарею больших и маленьких бутылок. После обоюдных «охов-ахов» и комплиментов – «не очень искренних», как отметила Даша, она приняла из рук Карины поднос и стала раскладывать салфетки и приборы на скатерти.

– А где Игорь?

– Придет твой ненаглядный, придет! – усмехнулась Зюма. – Главный приз здесь, куда же он денется!

«Ненаглядный» ввалился в квартиру вместе с разодетыми близняшками, и сразу стало весело и шумно.

– Подарок моей девушке, – Игорь царственно протянул Даше пакет. Она заглянула внутрь и еле удержалась, чтобы не поморщиться. Там лежала новинка, бестселлер, который она уже успела пролистать в книжном магазине. Сюжет показался искусственным и натужным.

– Последняя «бомба». Писательницам тоже нужно просвещаться иногда.

– Спасибо, – она ответила неловким поцелуем в щеку, скрывая досаду. Покрутила пакет в руках, потом сунула в карман пальто в коридоре. «Хорошо, что небольшая – в руках не надо будет тащить».

Даша вернулась в гостиную, где Толян стоял наготове с бутылками в руках:

– Винчик? Или покрепче? Кому что налить?

– Ты сядешь со мной, – распорядилась Зюма. – А ты – Игорек, напротив, на свою даму любоваться будешь.

«Что ей сегодня нужно от меня?» – Даша произвольно отодвинула стул подальше от блондинки.

Она терпела эту невыносимую девицу только ради Игоря. Сначала так хотелось верить в добрые помыслы новой знакомой, в то, что она хочет дружбы и хороших отношений. Но потом последовали все эти «обломы» и издевки Изюмочки.

«Хочешь мои конспекты за первый курс? Представь, какой подарок – тебе даже писать на лекциях ничего не надо будет?» – хитро подмигивала Зюма. Даша кивала, горячо благодарила, а потом ждала благодетельницу на холодном ветру в условленном месте. В ответ на все сообщения спустя час – ленивый ответ от новой знакомой: «Прости, я заболела, потом как-нибудь».

Или:

«Слушай, Игорь сказал деньги за пирожок отдать, да с процентами». Даша, смущаясь лезла за деньгами, а Зюма со смехом роняла ей монетки под ноги: «Прости, я случайно, собери, а?»

Или могла позвонить среди ночи, медовым голосом проворковать: «Не спишь, подружка? А кое-кто о тебе сегодня спрашивал. Где, мол, наша писательница потерялась... Смотри, не упусти – счастье само в руки плывет».

Даша силилась понять и не понимала Зюму. «Если она влюблена в Игоря, почему настойчиво толкает нас друг к другу? А если не влюблена... То откуда столько боли и ненависти в глазах?»

На столе большими разноцветными кругами лежала пицца. В середине красовался огромный прямоугольный пирог с капустой – его выставили в противне. «Глютен на глютене, – усмехнулась Даша, – мама бы в обморок упала». Пришли ребята, которых Даша не знала, и за столом стало тесно. «Это с четвертого курса», – шепнула сидящая рядом Каринка.

Тосты следовали один за другим. Пили за зачеты и экзамены, за будущую сессию и удачу, за шпаргалки, взятки и отличников. Игорь смеялся, острил, подкалывал парней и льстил девушкам, а сам глаз не сводил с Даши. Она же откровенно любовалась каждым его жестом, поворотом головы, вслушивалась в томный обволакивающий голос. И вспыхивала, когда их взгляды встречались.

Когда парни вышли покурить на балкон, Игорь взял гитару. Толян, услышав перезвон струн, хмыкнул:

– Так ты рэпер или рокер всё-таки?

– Всеядный, я всеядный. Попсовый рэпо-рокер, – пропел Заруцкий.

Дашин бокал всегда был полон, Зюма вовремя подливала до краев. Стакан с соком куда-то пропал.

– А теперь – за прекрасных девушек! – Игорь многозначительно посмотрел на «свою даму» и поднял бокал. Вокруг задвигались, одобрительно зашумели.

– Давай, испей из моего кубка, – криво улыбнулась Зюма, чокаясь с Дашей.

«О каком кубке она сейчас говорит?» – мысли с трудом ворочались в голове. Незнакомые лица слились в одно, веселое, смеющееся. На коже горел нетерпеливый взгляд.

– Как ты, дорогая моя? – спросил Игорь, когда кто-то приглушил свет и начались танцы.

– Пьяная в хлам, – честно призналась она.

– Не, это разве в хлам, это только в полухлам! Весь хлам у нас впереди, – его рука нежно легла на талию.

К полуночи у Даши всё плыло перед глазами. Комнату заполнил клубящийся туман, из которого неожиданно выныривали зюмы, толяны, лапули... «Почему их всех по двое? Или это у меня двоится? – Куранты начали отбивать двенадцать ударов. – Пить надо меньше. Надо меньше пить».

– Ура! С Новым годом! – наперебой заорали ребята.

– За исполнение желаний! – поднял бокал Толян, и Игорь тут же добавил: – За немедленное исполнение страстных желаний! – вывел Дашу из-за стола и крепко прижал к груди.

«Снова танцевать...» Тело расслабилось и послушно обмякло. Вокруг в полумраке медленно двигались другие пары, некоторые время от времени замирали – целовались. Спустя несколько секунд влюбленные оказались в небольшой комнате. Мягкий свет ночника падал на застеленный диван. Игорь опустил девушку на плед.

– Диван скрипеть будет, опять соседи на Зюму накапают, – пробормотал он, вдруг отстраняясь.

«Откуда ты знаешь?» – вертелся вопрос, но язык не слушался. Игорь поставил Дашу на ноги и погрозил пальцем: «Стой, мол». Потом стащил плед с дивана на пол. Она не чувствовала ничего. Безразлично разглядывала засохшие капельки краски на батарее, которая маячила перед глазами. Тело изгибалось, отвечало на скупые ласки, а сознание отстраненно наблюдало за тем, что происходит. Всё закончилось быстро. Игорь довольно похлопал партнершу по спине и вышел из комнаты, бросив небрежное: «Отдыхай, дорогая». – «От чего отдыхать?» – Даша села, удивленно глядя вслед.

Помотала головой, стряхивая опьянение. Хотелось кричать, хотелось отмотать время назад, к тому моменту, когда открылась дверь в комнату с мягким светом. «Почему, зачем, как это?» – она одернула платье и присела на край дивана. Неведомые, непонятные пока чувства охватили её. «Как стыдно... Унизительно-сладко. Как противно». Тело сжалось в комок, еще нестерпимее захотелось глубже в прошлое, туда, где Игорь бросал жадные взгляды. «Вот тогда – было хорошо, он был в моей власти. А сейчас – в меня как будто высморкались».

Девушка встала, заглянула в приоткрытую дверь. В соседней комнате было темно, пары медленно двигались под тягучую мелодию. Зюма танцевала с Игорем. Даша тенью скользнула к ним и замерла рядом. Блондинка разглядела соперницу в полутьме, послала воздушный поцелуй и негромко сказала Игорю: «Когда опять понадобится новенькая – я всё устрою, только свистни». Игорь бархатисто рассмеялся в ответ и похлопал Зюму по спине, так же, как хлопают лошадь, благодаря за хорошо сделанную работу. Так же, как только что хлопал её, Дашу.

«Я уже не новенькая», – пронеслось в голове. Опрометью бросилась в прихожую, натянула сапоги, схватила пальто и выбежала на улицу.

Черные ветви деревьев покорно сгибались под тяжестью недавно выпавшего снега. Шумные, веселые люди бегали во дворе, бахали петардами, жгли бенгальские огни и пели «Merry Christmas». Но Даша не слышала ничего, смех Игоря стоял в ушах. Смысл сказанного Зюмой постепенно доходил до неё. «Я всё устрою, только свистни».

Она постояла, облокотившись о подъездную дверь. Внутри медленно гасла надежда, что он сейчас выбежит, догонит, прижмет к себе. Хмель отпустил, мороз обжигал лицо. «Легкие колготки, легкое платье, надо двигаться, а то замерзну». Она побрела в никуда. Через несколько минут, когда голова стала ясной, а ноги окоченели, вызвала такси.

«А диван-то у Зюмы всегда скрипит», – проскрежетал ключ в замке, когда открывала дверь в квартиру. Родители с младшим братом уехали на горнолыжную базу, встречать Новый год с друзьями. Одиночество показалось лучшим подарком от семьи.

Спутанные волосы, красный нос, размазанный черный карандаш под глазами. То же зеркало, другая Даша. «Ну вот, ты стала взрослой, – прошептала отражению, – ну и как тебе?» В зеркале отразилось разноцветное колесо обозрения на холме над городом. Даша вздрогнула и обернулась к окну. Сияющее колесо парило в темноте ночи, будто в невесомости. «Как в повести про Тию. Уруборок, змей, кусающий себя за хвост. Символ перерождения и изменений».

Продрогшая и снаружи, и внутри, долго сидела неподвижно. Потом поставила чайник и по привычке полезла в телефон. «Хорошо, что вместе с книжкой в пальто сунула. А то так и оставила бы там, пришлось бы возвращаться». Может, стоило и вернуться, Даша не знала. «Может, он просто не услышал, что я ушла...» Поздравления, неотвеченные звонки от родителей, новогодняя елочка от Роны. «Стоп! А я даже не загадала, чтобы мы помирились в новом году. Господи, да я даже о себе не помнила, не то, что о подруге. Но ёлочка – это шанс!»

Она быстро щелкнула по иконке почты, открыла файл с повестью. Надо было как-то отвлечься от событий этой ночи, заглушить тоску и предчувствие неизбежной печали.

«– Все туда ходят. – Мешок цыкнул зубом. – Сейчас ты маленькая, а там станешь большая, – хихикнул мерзко, – взрослая», – мелькнуло перед глазами.

Даша съежилась и погрузилась в чтение.

«Стало невозможно дышать, непомерная тяжесть навалилась сверху. Тия забарахталась, пытаюсь выбраться из снежной ловушки, и проснулась. На неё сверху навалился Мешок, бормоча: “Хочу, хочу, хочу...” Тия видела его искаженное гримасой лицо, безумные глаза, попыталась вырваться, отбиться и, цепенея от страха, сквозь рев ветра услышала волчий вой». Последние строки Даша перечитала несколько раз. «Хочу-хочу-хочу», – звенело внутри.

Два пространства – вымышленное и реальное – вдруг сошлись в одной точке, и эта точка оказалась настоящим моментом, «сейчас». «Невероятно. Этого просто не может быть. Так Тия – это действительно я? Мы с Ронкой пишем повесть обо мне?» – она обхватила голову руками. «Но как подруга могла узнать о том, что со мной будет, до того, как это произошло?» Тело била дрожь. Побрела в ванную, набрала горячей воды, нырнула с головой. Даже под водой было слышно, как «бахали» петарды во дворе. «Тогда Игорь – Мешок. Внешнее безобразиие как отражение внутреннего несовершенства. Вот что из подсознания вывалилось», – головоломка сложилась, обрела четкость и объем и тут же расплылась-рассыпалась.

Внутри против воли теплилось ожидание, что Игорь сейчас позвонит, приедет, возьмет на руки, будет шептать нежные слова. Но телефон молчал. Она перезвонила маме, выдавила из себя бодрый счастливый голос. «Ладно, с Игорем уже завтра. Всё у нас будет. Но теперь я поставлю ему условие – компания компанией, а встречаемся мы только наедине. И никакой Зюмы».

Закутавшись в теплый халат, перечитала главу. «Шли-шли и дошли. Ехали-ехали и приехали. Вот дура-то, а!» – она решительно ткнула в фото Роны, выслала ей в ответ ёлочку, потом, чуть посомневавшись, сердечко и только два слова: «Нужно встретиться».

После откинулась на подушку и заснула. Этой ночью она не видела снов.

Глава одиннадцатая

«Ответь, прошу тебя, ответь. Нажми уже кнопку. Проведи пальцем по экрану». После восьмого гудка равнодушный женский голос произнес: «Абонент недоступен. Телефон выключен или находится вне зоны доступа. Вы можете отправить голосовое сообщение». Даша положила телефон на стол. Брелок-тыквочка, подаренный Игорем после Хэллоуина, тихо брякнул о поверхность. Оранжевая краска на выпуклых ребрах тыквы истерлась и наружу проступил серо-черный пластик. «Точно, не один год в кармане таскал, – царапнуло по сердцу, и тут же: – Где ты, где ты, где ты? Почему не отвечаешь?» Она боялась этого странного необъяснимого молчания. Боялась признаться себе, что что-то не так. Просто он занят. Занят? Но сейчас каникулы... И что? Могут же у человека быть важные дела и в каникулы?

Первый день нового года Даша просидела дома. К обеду приехала бабушка и вернулись родители с братом.

Бабушка тут же захлопотала:

– Тимурчик, быстро снимай ботинки мокрые. Вот, я верблюжьи носки приготовила.

– Бабуля, что ты с ним как курица с яйцом носишься? – Даша усмехнулась печально. – Он уже на голову тебя перерос. Смотри, здоровяк какой.

Тимур, едва сдерживая смех, встал в позу Наполеона:

– Вот, бабулечка, памятник самому себе! И лыжник, и шахматист, и нунчаками умею. – Он взял из рук бабушки носки. – Не волнуйся ты так. Это боты снаружи мокрые, а внутри вовсе даже сухие. Гортекс.

– Метр семьдесят чистого золота! – Бабушка прищурилась лукаво. – А я всё боялась, что ботаном вырастешь.

– Если гений, то это не значит, что «ботаник», – засмеялся папа.

Бабушка гордо вздернула подбородок:

– Наш человек. Весь в деда! – Потом повернулась к Дашиным родителям и милостиво добавила: – Ну, и от вас кое-что досталось.

С появлением брата квартира наполнилась шумом. Даша проворчала: «– Как много у вас детей! – Нет-нет, у нас только один мальчик. Просто он очень нервный».

Тимур обиделся:

– Я тебе мешаю?

Даша рассеяно приобняла брата, чмокнула в плечо:

– Да нет, наверное. – «Не могу же я сказать, что сейчас вы мне все мешаете. Я хочу побыть одна».

Желание неожиданно исполнилось. Семья опять подарила благословенное одиночество. Бабушка заявила, что все должны ехать к ней. На новогодние доедалки. С ночевкой. Даша знала, что после ужина и стрельбы петардами и хлопушками с балкона мама и Тимур отправятся на боковую, а папа с бабушкой пригласят соседа, дядю Идриса, заварят крепчайший кофе и сядут играть в покер. На всю долгую зимнюю ночь. Это была традиция.

– Можно, я не поеду? Бабулечка, папалеша-мамадина, можно я дома останусь?

– Опять? – мама беспомощно оглянулась на папу.

Бабушка понимающе хмыкнула, а папа притянул маму к себе:

– Не опять, а снова. Привыкай, дорогая. К шестнадцати годам девяносто процентов времени, отведенного человеку на общение с родителями, уже исчерпано. А нашему ребенку восемнадцать.

– Не спеши взрослеть, – шепнула, уходя, бабушка.

Даша, помыкавшись из угла в угол, рухнула на кровать и, вспоминая ласковые настойчивые руки Игоря, стала ждать звонка.

Чтобы как-то отвлечься, просмотрела ленты в соцсетях. Ничего важного или интересного. Сообщение Роне до сих пор не доставлено. «И где её носит? Правильно, тридцать первого все напоздравлялись, и первого никто никому не нужен». Даша целый день боролась с собой: напомнить о себе Игорю или нет.

Вечером она собралась с духом и позвонила. Телефон Игоря был отключен. «Наверняка отсыпается...» – даже в мыслях она не сумела назвать его любимым. Может, желанным? Но это слово показалось ей слишком книжным, ненастоящим. «Пусть будет просто “милым”. Милый друг, друг милый».

Время шло, текло, тянулось: телефон отключен... телефон отключен... телефон отключен... И в соцсетях мертвая тишина, ни одного поста. Ни у кого из компании.

«Может, случилось что?» – черные мысли лезли в голову. Вот Игорек лежит на дороге, а вдаль улетаёт машина с залепленным снежной грязью номером. Или он валяется в подворотне – на него напали отморозки, отжали телефон, избили и оставили умирать.

Тогда она решила пойти к Игорю домой и поняла, что не знает, где он живёт. Праздновали-то вчера в квартире Зюмы.

И Даша позвонила блондинке. На робкий вопрос, где Игорь, та ответила коротко и ёмко: «Да пошла ты». Что ожидать от Зюмы? Могла вообще не ответить. А так – честно, без всяких сю-сю-сю. Без сладких улыбочек и при этом ненавидящих глаз. Сняла маску наконец.

Дашу накрыла страшная тоска, целыми днями она валялась на кровати, выбираясь из комнаты только к ужину. Благо родители уходили на работу рано и возвращались вечером, а Тимур болтался с друзьями и сестре не докучал. Но как же хотелось ей поговорить, встретиться с Роней... или с Игорем. Но сообщение, отправленное подруге в новогоднюю ночь, так и оставалось неполученным, а телефон «милого друга» не отвечал.

Наконец вечером пятого января «абонент вне зоны доступа» отозвался.

– Да-а, пупсик, – барственное равнодушное «да-а» окатило Дашу ледяным душем. Долгожданный голос звучал на фоне приглушенного бормотания нескольких человек, в который врвался визгливый пьяный смех. – Ты что-то хотела?

– Я... да, как ты? Я думала, случилось что.

– Что со мной может случиться?

– Не знаю, не знаю, я переживала, и... скучала, – выпалила она. – Мы встретимся?

– Дорогая, конечно, встретимся. Потом.

– Когда потом? – опешила Даша.

– Когда время у меня будет! А сейчас мне некогда. Поняла?

– Поняла, – прошептала Даша, услышала капризный голос: «Игорек, ну ты скоро? Я же жду». Повторила: – Поняла, – и нажала отбой.

«Так не бывает. Не может быть. Не должно быть так». Даша уперлась лбом в холодное стекло. За окном по бульвару шли веселые люди. Огоньки новогодней иллюминации сияли и переливались золотым и серебряным.

В комнату заглянул брат:

– Данька, ужинать пошли. Мама зовет.

– Скажи – не хочу.

– Сама иди и скажи. А то не отстанут.

Даша только махнула рукой, добрела до тахты и упала, сжавшись в комок. Она не помнила, сколько так пролежала. Почувствовала на лбу прохладную мамину ладонь:

– Что с тобой, Дашенька? Приболела?

– Да, мам, нехорошо что-то.

– Может, таблетку дать, или что?..

– Какую таблетку?! – вскинулась было Даша, но быстро справилась с собой. – Спасибо, ничего не надо. Я просто полежу, и всё пройдет.

– Ну ладно, – мама постояла, беспомощно глядя на дочь, – если что – зови.

– Обязательно, – Даша отвернулась к стене, – а сейчас, пожалуйста... – добавила про себя: «оставь меня в покое».

Три дня прошли как в тумане. Дашу бросало то в жар, то в холод. Ей больше незачем было жить. С утра, дождавшись, когда домашние разошлись, она наполнила ванну горячей водой. Написала короткую записку, поставила за стекло в книжной полке. Немного постояла перед зеркалом, глядя на свое отражение, стянула резинкой волосы. Достала из папиного несессера опасную бритву. Золингенговскую, с костяной рукояткой. Тут в замке скрежетнул ключ, кто-то с топотом ворвался в прихожую. Там что-то рухнуло, а потом раздался голос брата:

– Данька, я яблоки взял! И тут твои шмотки с вешалки упали. Подними, пожалуйста, а то меня ждут!

Хлопнула дверь, дважды повернулся в замке ключ, и настала тишина. Даша поплелась в коридор: поставила на место перевернутую корзинку для

перчаток и шапок. Подняла с пола свое пальто и нащупала в кармане пакет. «Новогодний подарок Игоря, любовный романчик. Бестселлер!» Внезапно ненависть накрыла её жаркой волной. «Тварь! Я из-за тебя хотела жизни лишиться... Дура. Дура. Дура!»

В состоянии тихого бешенства она взяла книжку: дешевенький покет-бук, уже явно кем-то прочитанный: на корешке остались заломы. С обложки, сладко улыбаясь, смотрел усатый кавалер. Может, улыбкой, может, обволакивающим взглядом он напоминал Игоря. Одной рукой роковой красавец сжимал шпагу, а другой обнимал даму в пышном длинном платье.

«Ну, я тебе устрою!» – Даша отыскала в кухонном шкафу металлическую круглую форму для запеканок, поставила на конфорку газовой плиты. Налила в кастрюлю воды: «Противопожарная безопасность прежде всего. Дом не спалю». А потом с каким-то непонятным самой себе яростным наслаждением разорвала книгу и чиркнула спичкой.

Маленький костер послушно горел. Даша подбрасывала листы экономно, по одному. Раньше она даже не могла помыслить о том, чтобы сжечь книгу. Но это была не книга – это были ложь и пренебрежение человека, которого она, непонятно за какие свои грехи или проступки, умудрилась полюбить. На костре сгорала она сама. Тонкая черная струйка копоти исправно уплывала в вытяжку. Кухня наполнилась неприятным запахом горелой бумаги и типографской краски. От него першило в горле и непрерывно слезились глаза. Даша бросила в костерок обложку, от жара плотная бумага изгибалась, и казалось, что красавец-кавалер корчит страшные рожи. «Вот и всё», – она подождала, пока противень остынет, выбросила пепел в мусорное ведро. Вымыла форму, с трудом оттерев жирную сажу, а потом выбежала на балкон и решительно швырнула вниз брелок-тыквочку.

Телефон привычно лег в ладонь. Даша просмотрела сообщения. Возле номера Роны появились две голубые галочки: «доставлено, прочитано». Была не была:

– Рона-а, это я, Даша.

– Да что ты?! В самом деле? Ну, с праздничком тебя, «подруга», – голос Ронки звучал холодно и отстраненно.

– С каким праздником? – опешила Даша. – Новый год уже прошел, а до Старого еще время есть...

– А с девятым января! С днем провокатора, – перебила Рона. – Поп Гапон и всё такое. Как ты там декларировала: «сестры Корвинские – дружба навек», а сама к царюшке-государюшке Заруцкому на поклон.

У Даши запылали уши. Стыдно-то как. А ведь против правды не пойдешь: поманила, пообещала дружбу до гроба и бросила. Хвост павлиний увидела и поплыла, поверила.

– Прости, прости меня. Я как последняя свинота себя вела, – и тут Дашу прорвало. Давясь слезами и путаясь в словах, она каялась и причитала, как кликуша.

– Не истери, – наконец одернула её Рона. – Сопли подбери и чле-но-раздель-но скажи, что случилось. Метеорит на землю рухнул? Ну-ка, вдох-выдох.

– Метеорит не рухнул, – Даша судорожно всхлипнула, – меня Игорь... – и безудержно, вздохнув, зарыдала.

– Так, значит... – протянула Рона, – «поматросил и бросил»... Не реви. – Но Даша никак не могла успокоиться. – Кому сказала, не реви! – прикрикнула Рона. – Что случилось, то случилось. Давай так, завтра махнем в горы, там и поговорим.

– А что там, в горах, делать? – Даша постепенно успокаивалась. Абсурдность предложения и то, что Рона не стала её жалеть, отодвинули эмоции на второй план. – На лыжах, что ли, кататься?

– Хотя бы и на лыжах. Горы лечат. В общем, так... подруга..., завтра в девять мы за тобой заедем. Будь готова.

Глава двенадцатая

«Рыжий, рыжий, конопатый, убил дедушку лопатой. Бред какой-то, – Даша протерла в запотевшем стекле автомобиля окошечко. Фонари только погасли, и дома пронеслись мимо серыми, темными тенями. – И что в нем Ронка нашла? Непонятный. Лицо вроде простецкое, а взгляд из-под ресниц цепкий, изучающий. Не хохочет, разговорами не развлекает. Руку пожал при знакомстве, за руль уселся и молчит всю дорогу».

Окошечко опять запотело.

– Может, стекло приопустить, а то...

– Не надо. Сейчас кондер включу.

Даша наклонилась к подруге, прошептала на ухо:

– Он что, всегда такой? Сам не соображает?

Рона легонько закусила губу, ответила тихо и быстро:

– Тебя что, не учили, шептаться нехорошо. Не в туалет просишься.

– Да ладно, девчонки, шепчитесь, сколько влезет, – Ринат засмеялся. – Только учтите – у меня слух, как у волка. И не хочу слышать, а слышу. – Быстро взглянул на Дашу в зеркало заднего вида. – Это так, к слову, чтобы не ловкостей не было.

В гондоле канатной дороги они сидели втроем. Даша безучастно откинулась на спинку сиденья, прикрыла глаза. Как не похожа была эта поездка на ту осеннюю, памятную первым поцелуем. Коньяк не пили, «перья» не распускали: Рона с Ринатом затеяли игру в угадки и веселились от души. А Даша только криво улыбалась.

Ринат оставил девушек кататься в «лягушатнике».

– Не шалите и не скучайте, к обеду вернусь, – махнул рукой и отправился на трассу.

Вокруг верещали дети: инструктор, выстроив мелкоту в шеренгу, учил на пологом склоне тормозить «плугом». Рядом его напарница показывала второй группе тонкости подъема «ёлочкой». Даше быстро надоели шум, гам и суета. Надоело выслушивать «согни колено», «выпрями руку», «работай корпусом». Надоели родители, гордо вззирающие на своих чад.

– Пошли отсюда...

– Но мы же вроде кататься приехали.

– Именно что «вроде». Не лечат твои горы.

– А-а, не лечат, значит, – Рона остановилась на склоне. В силуэте проступило что-то птичье. То ли из-за разведенных, как крылья, рук, то ли из-за отброшенной черной тени. – Ну, пойдем, кофейком побалуемся.

Подруги устроились на широкой веранде кафе. Все столики были заняты компаниями, которые предпочли катанию посиделки на свежем воздухе.

– Рассказывай, что стряслось, – Рона высыпала в чашку три пакетика сахара, перемешала, попробовала, довольно прищелкнула языком. – Самое то!

– Не могу, здесь люди вокруг, – Даша обвела взглядом веранду.

– Да никому до тебя дела нет. У каждого свои заботы. Народ отдыхает. Рассказывай.

И Даша рассказала. Рона слушала внимательно, склонив к плечу голову. Не прерывала ни сочувственными вздохами, ни гневными восклицаниями.

- И что мне теперь делать?
– Я не знаю. Правда, не знаю. Из книжно-киношного опыта могу сказать «забыть и забыть». Своего опыта у меня нет.
– А если бы с тобой такое случилось?
– Это вряд ли. – Рона ложечкой простучала по краю чашки «чижик-пыжик, где ты был». – В моей жизни может быть только один мужчина. Тот самый.
– А как узнаешь, что он тот самый?
Рона пожала плечами.
– Это Ринат?
Рона опять пожала плечами:
– Пока не знаю.
– А если не встретишь?
– Значит, не судьба.

Даша обхватила ладонями чашку, пытаясь согреть заледеневшие пальцы, но чай уже остыл. «Холодный чай, холодное сердце... Ронке – “тот самый”, а мне? За что мне такое?! На душе пакостно, и все эти красоты горные не радуют».

* * *

Под ослепительным светом солнца красное пятно на обочине склона выглядело особенно ярко. Спускаясь, Ринат увидел, что это девушка в красном лыжном костюме. Ему показалось странным – ни лыж, ни сноуборда. Только девушка. Сидит на обочине. На втором спуске он притормозил и свернул с трассы:

- Аль не холодно тебе, девица?
– Вали отсюда, Морозко недоделанный, – язык выдал оскорбительные резкие слова, но в глазах прятался страх.
– Да свалю, свалю... Лыжи твои где или бордик? Случилось что?
– Н-ногу подвернула. Борд ребятам отдала – они на «черный» склон пошли.
– Ладно, давай помогу вниз спуститься, а то примерзнешь тут.
Ринат отстегнул крепления, спрыгнул в снег, воткнул рядом палки, протянул девушке руку. Она попыталась подняться, вскрикнула и согнулась:
– Не могу...

– Не можешь... Тогда придется тебя как ребенка нести, – он вытащил из нагрудного кармана телефон. – Рона, тут нештатная ситуация, подкатывайте к травме, там встретимся. – Осторожно поднял девушку на руки, пробормотал тихонько: «Ничего. Здесь недалеко, выдержим. До травмпункта доберемся, а там своих в тепле дождешься».

«Вот у него – свои. – Зюма с трудом сдерживалась, чтобы не застонать от боли. – А мои? Дождешься, как же. У моря погоды, когда на горе свистнет рак, после дождичка в четверг. Что ж так дышать трудно? Ни вдохнуть, ни выдохнуть. Игорек борд забрал для Лапули, а мне что сказал? Ножку подвернула? Ничего, не ты первая, не ты последняя. Ерунда. Спустись, мол, сама. А этот, чужой, остановился и помогает. Странный. И хорошо, что странный. Господи, больно-то как», – девушка заворочалась на руках, и Ринат прикрикнул: «Не копошись. Уже близко, потерпи».

У травмпункта Рината ждали Рона и Даша. Он, тяжело дыша, попросил: «Девчонки, дверь откройте...» – и не обратил внимания, какими бессильно-ненавидящими взглядами обменялись подруги.

Пока врач осматривал девушку, Ринат быстро объяснил, что случилось на склоне, а Даша яростно прошептала:

– Ты за каким чертом этой мерзавке помог?! Пусть бы замерзла нафиг. Марфуша. Дружки бы потом откопали, через год, если бы вспомнили.

Ринат с сожалением посмотрел на Дашу.

– Да что с тобой не так? Откуда столько злобы... – потом перевел взгляд на Рону, усмехнулся печально: – А я человек, и ничто человеческое мне не чуждо...

– Хорошо, что вы её сюда привезли, – доктор протер руки клочком смоченной в спирте ваты. – Нога – ерунда, легкий вывих. А вот рёбра... Как минимум два сломаны. «Скорая» минут через сорок будет, отправим в город.

– А в какую больницу?

Даша толкнула Рону локтем, мол, зачем тебе.

– Как положено, в центральную. Там и навестите, – врач вытащил бланк, вооружился шариковой ручкой.

«Ага, разбежались, спешим и падаем, – Даша мстительно усмехнулась, посмотрела на Зюму. Та лежала неподвижно, с руками, вытянутыми вдоль тела, почти не дыша. Только на лбу блестели крупные капли пота. Нос заострился, и синие тени проступили под глазами. – Почувствуй теперь, что такое больно».

– Как вашу подружку зовут?

– Зюма!

Теперь уже Рона ткнула Дашу локтем: ты что, совсем, настоящее имя скажи.

– Зи-ина. И мы не подружки!

Доктор удивленно приподнял брови, и тут раздался прерывистый голос:

– Зинаида. Зинаида Сергеевна Воротынцева. Сотовый телефон мамы... – с трудом продиктовала номер.

– Дата рождения, – врач неторопливо заполнял бланк.

– Девятое января две тысячи... года.

Ринат склонился над кушеткой:

– С прошедшим тебя. Не бойся. Всё будет хорошо. – Повернулся к врачу.

– Доктор, вы ей укол сделайте... больно очень...

– Умгу, – врач поставил подпись и опять протер руки проспиртованной ватой. Достал маленькую ампулу, отломил шейку, со свистом втянул лекарство в шприц, пощелкал по корпусу, выгоняя пузырьки воздуха, и неуловимо быстрым, точным движением вогнал иглу в Зюмину руку. – Всё-всё, сейчас полегчает. – Обернулся к девушкам. – А вы, «не подружки», свободны. Нечего вам уже здесь делать.

Ринат подтолкнул их к выходу, а сам обернулся:

– Слышь, Зинаида Сергеевна, я к тебе в больницу зайду завтра. Проверю, как ты там, кашу до конца ли съедаешь.

И Зюма улыбнулась ему сквозь слезы.

Вниз спускались мрачные. Гондолу раскачивало порывами ветра, девушки тихо вскрикивали от страха. Ринат вдруг спросил:

– Так откуда такая ненависть?

– Расскажи ему, – Даша втянула голову в плечи, – расскажи. Пусть знает.

И как Зюмочка ручку приложила. Постаралась.

Ринат слушал так же, как раньше Рона: внимательно, склонив к плечу голову. «Как они похожи, не внешне, внутренне. Будто две половинки одного целого», – непонятное чувство царапало в груди, и Даша не могла понять, завидует она или удивляется.

– Понятно, – Ринат запрокинул голову, – это тяжело. Мне так же было, когда девушка, почти жена, свет мой, меня бросила.

– Здесь всё не так! – вскинулась Даша.

– А как? Ты всё о себе да о себе. О других тоже подумай.

– О других?! А обо мне кто-нибудь подумал?! Вот скажи, честно скажи – ты хотел отомстить?

– Не-ет, – Ринат обернулся к Даше, схватил её за плечи. – Нет! Месть разрушает. Это как дьявола в себя впустить. Я просто начал жить снова.

Даша и Рона в машину забрались, не глядя друг на друга. Пока Ринат укладывал в багажник на крыше лыжи, сидели и молчали, как чужие люди, случайно оказавшиеся в одном месте. А потом Рона не выдержала:

– Так и будешь дуться, как мышь на крупу?

– Сама ты мышь, – огрызнулась Даша. – Конечно, что ты, что рыжий твой, правильные такие. Свя-яты-ые. Всех поняли, всех простили. По левой щечке получили и правую подставили. – Голос истерически сорвался. – А я не хочу. Не хочу! Не хочу!!!

На водительское сиденье забрался Ринат, пристегнулся, плавно тронул машину с места:

– Всё в порядке?

Рона положила ладонь ему на плечо, сжала легонько:

– Почти. Ты извини, что так вышло. Давай завтра с утра приедем снова.

Покатаемся.

– Завтра с утра не получится, разве ближе к вечеру только, да на ночную горку.

У Даши лицо свело ненавидящей гримасой:

– Ка-а-анешь, с утра не можем. Зюм-зюмочку в больничке навещать будем. Что, запал на нее? Да?

– Я. Тебя. Сейчас. Ударю. – Рона схватила подругу за куртку, развернула к себе, и Даша увидела застывшее, белое как мел лицо.

Ринат быстро свернул с дороги в аварийный тупичок, тормознул, выскочил из машины и вытащил на снег Дашу. Она, захлебываясь слезами, выкрикивала бессвязные слова. Ринат оттащил новую знакомую под огромную ель, встал на одно колено, через другое перекинул Дашу, набрал пригоршней снег и принялся натирать ей лицо. Крикнул Роне:

– У нас там в термосе чай остался? Налей быстро!

Постепенно рыдания и выкрики стихли. Ринат поставил девушку на ноги. Встряхнул, сунул кружку с чаем:

– Пей! – достал из кармана конфету, развернул: – Вот тебе «Мишка на Севере», закидывай в топку. Тебе сейчас сладкое надо.

Зубы стучали о край кружки, но Даша отхлебывала чай, жевала конфету, и постепенно ей полегчало. Лицо горело от снега и от стыда:

– Простите...

– Проехали, – ответил Ринат. Рона ограничилась неопределенным «угу».

– Всё? Домой?

Зимнее солнце склонялось к западу. Ели отбрасывали на дорогу длинные тени. Мрак из души Даши выползал и окутывал её плотным коконом. А Ринат внезапно сказал:

– Игорь, конечно, гад. Ты его во всем винишь. А про себя забыла. Всегда надо быть собой, в любой ситуации. Ты слишком хотела стать «своей» и не сумела вовремя сказать «нет». А твой этот «павлин» – гад и мразь. – Повторил убежденно: – Мразь.

– А Зюма?!

– А что Зюма? Зюма это ты. Не поняла? Год назад, два года... не знаю когда, неважно, с ней произошло то же, что и с тобой. И теперь она мстит. Заблудшая душа.

Машина въехала в город. Даша смотрела на проносящиеся мимо серые дома: «Я не могу и не хочу этого принять. Никогда никого не прощу. Я тоже буду мстить».

Глава тринадцатая

«И зачем я только дома сидела всё это время? Ведь есть на свете такой ослепительно-белый снег, отражающий горное солнце, есть черные очертания скал на фоне синего-синего неба, лыжи, скорость, и самое главное – есть друзья!» – Даша бродила по квартире, которая казалась темной и сумрачной после залитого солнечным светом горнолыжного курорта. «Пусть мы и посидели с Ронкой в кафешке, пока Ринат наматывал километры – но сидели на свежем воздухе, поэтому такая бодрость!» – она стала напевать, чтобы заглушить темные, беспокойные мысли.

Нестерпимо хотелось есть. Тело после горного воздуха требовало как минимум мамонта. «Как Мешок, сейчас готова и тазик жестяной сгрызть», – Даша закинула пельмени в кипящую воду. Помешала, отложила ложку и посмотрела в окно. На грушевом дереве за стеклом кое-где остались осенние листья. Ветви пригнулись под тяжестью свежеснеженного снега, как по осени они пригибались от тяжести крупных плодов. «Какой резкий контраст темных веток и лежащего на них снега! Как будто чей-то белый легкий почерк исчеркали. Для меня исчеркали. Что же я должна прочитать и понять в письменах этой зимы?» – Даша замерла.

На плите зашипели пельмени – вода под крышкой забурлила и выплеснулась на огонь. Даша убавила газ, опять стала помешивать. «Угораздило же сегодня Зюму со всей компашкой на гору притащиться. Еще и рёбра переломала. Как увидела мымру блондинистую, так и понесло... Такую сцену безобразную закатила Ронке с Ринатом», – она зажмурилась и покачала головой.

«Ронка какая-то другая стала, – вроде все как всегда, готова помочь, подержать, но что-то не так. Снаружи мягкая, общительная, внутри колючки. Да и внешне после клиники изменилась – похудела, вытянулась, черты лица заострились. Не хромает. В движениях и раньше чувствовалось что-то от пернатых, а сейчас – птица и есть. Да не какая-нибудь птица – хищная». Даша выложила пельмени в тарелку, съела несколько штук.

«Конечно, Ринат прав: Игорь – гад. И Зюма – та еще гадюка. Но вот ведь что получается – Зюмочка меня подставила, Павлин воспользовался, но я ведь тоже хороша – предала подругу. Не писала, когда была так нужна ей в Питере между бесконечными процедурами и операциями. Не встретила в родном городе, куда она возвращалась с надеждой на поддержку и участие. Еще и удивляюсь, почему она такая ледяная внутри». Даша отставила тарелку – аппетит пропал. «А ведь я и сама перестала быть человеком в погоне за вниманием Игоря, сама причинила боль. Всегда видела, сколько девиц вьются вокруг “Вампира”, но тешила себя надеждой, что это – временно, что стану единственной. Вот и лезла вон из шкуры ради “светлой” цели».

Получалось, что в этой истории достойно вела себя только подруга. Ну и Ринат. Рыцарь – поддержал Ронку в клинике, помог девушке, которую бросил на склоне Игорь. «Ни разу не видела, чтобы наш павлин кого-то спасал, кому-то помогал. Обычно это его – спасают, ему помогают, а он уж эти подношения милостиво принимает». Даша решительно скинула оставшиеся в тарелке

пельмени в кастрюлю. Прошла в комнату, открыла дневник и лихорадочно стала записывать:

«Ринат – какой он... иной. Темный, но надежный. И как они с Роной понимают друг друга! С полуслова. Так похожи, как будто из одной материи сшиты. Но он не птица, нет. Хотя тоже – хищник, знающий себе цену. А я – дура. Наивная маленькая дура. И истеричка. Ронка не попала бы на этот крючок – сразу всю павлинисто-вампирскую натуру при первом знакомстве разглядела. И Ринат не попался бы, даже если бы был девушкой. Как он там сказал тогда, в машине? “Мстить – как дьявола в себя впустить. Сама над собой будешь не властна. Я просто начал жить снова”. Ему хорошо теперь так говорить, сколько времени прошло. А у меня совсем другая история». Даша вlepила точку. «Ну да, конечно, совсем другая, – кто-то внутри ответил голосом Рината, – ты здоровая и с целым позвоночником».

Даша фыркнула, строчки неровно ложились на бумагу: «Как бы с другой помириться. Не так, как сейчас: “давай, рассказывай”, а сама в броне. Нет, по-настоящему сблизиться, чтобы как раньше, сердце к сердцу, душа к душе», – она в задумчивости погрызла ручку. «Эврика! Нас связывает повесть, мы становились одним целым, когда писали её. Возьмусь-ка я за новую главу. И как я могла забыть – моя очередь, и Ронка молчит, как всегда, тактично ждёт, пока вспомню сама. Непорядок».

Стержень зацарапал по листу – паста неожиданно кончилась. Даша отложила тетрадь и включила компьютер. «Но всё-таки до прощения далеко, очень-очень далеко! Ладно, Зюму наказали горы сегодня, но Игорь... Буду мстить, раскромсаю на мелкие кусочки». Она стиснула зубы и погрузилась в текст.

* * *

«Мешок навалился всем телом, и Тия потеряла сознание. Она не видела, как распахнулась дверь в избушку, как в комнату влетел ворон, а за ним ворвался огромный рыжий волк, который с порога кинулся на мучителя и, рыча, оттащил в сторону.

Тия очнулась оттого, что на лицо падал мелкий колючий снег.

– Припорошим-припорошим, да и проснется, – приговаривал Ворон. Из сложенных ковшиком крыльев сыпалась снежная крупка. Льдинки-снежинки царапали щеки Тии. Она по-прежнему лежала на кровати, там, где провалилась в сон вчера.

– Перестань, – застонала девушка.

– Ну вот, снежок чудотворный что делает, – Ворон помог сесть. – Благо его здесь немеряно.

Тия увидела скалящего клыки волка над забившимся в угол Мешком. Мешок жалобно причитал и потирал прокушенное плечо, но боялся даже посмотреть на грозного стража. Признаться, Тия тоже лучше бы и не смотрела на спасителя – этот свирепый взгляд, рыжая вздыбленная шерсть на загривке, длинные клыки могли напугать кого угодно.

– Что за девчонка? – прорычал волк, обращаясь к Ворону.

– А ты не знаешь будто, – фыркнул Ворон, – десятками здесь приключения себе на одно место ищут, а потом спасай их.

Волк презрительно наморщил нос.

– А что за чудо в углу?

– А, красавец из подсознания вот этой самой девицы вывалился. Представляешь, анекдот – создание чуть не схарчило свою создательницу, – заркал-засмеялся Ворон.

При слове «схарчило» пленник дернулся и застонал громче. Волк зарычал, и Мешок опять прижался к стене.

– Есть хочет. Будет просить – ничего не давай. Жрет всё, что не приколочено.

Тия нервно хихикнула. Горло уже не болело, так, саднило слегка.

– Смейся, смейся! – Ворон повернулся к девушке. – Совсем, красавица, разум потеряла, гормоны на твою голову. Прежде чем спать ложиться, накаркать поболее надо было.

– Не получилось, сон одолел, – по щекам побежали слезы.

– Полно, полно, – Ворон провел крылом по голове, – мы рядом, с Рыжим – вообще не пропадешь. – Волк шевельнул хвостом. «Прямо как собака», – шмыгнула носом Тия.

– Э-э, полегче, на собаку обидится, – шепнул Ворон в ухо.

– А он что, тоже мысли читает?

– У него такой слух, слышит, как трава растет!

– Эй, вы, двое, хватит чирикать, – прорычал Волк, – давайте, выкладывайте план – надоело караулить.

– Вот сейчас мы у красавицы нашей и спросим, что дальше будет, – ворон выжидательно уставился на Тию.

– У меня? Я даже не помню, кто я. А вы спрашиваете, что делать.

– Ты теперь испытание смертью прошла, на следующий уровень прыгнула. Не только на еду каркать умеешь. Ну, и отомстить теперь Мешочку хочешь, – наставительно произнес Ворон, – ну-ка, поколдуй, что получится?

– Что поколдовать? Как мне отсюда выбраться? Как вспомнить, кто я?

– Торопись. А посади-ка ты спутника своего на цепь, чтобы Рыжий не томился уж.

– Цепь! – воскликнула Тия и ахнула: в этот же миг в углу возник крепко вбитый в стену крюк, а от него протянулась короткая массивная цепь, пристегнутая к тяжелому железному кольцу на шее Мешка.

– Могешь, можешь! – удовлетворенно каркнул Ворон. Рыжий отошел от пленника и прилег на пол, зевнул.

Мешок подергался, но цепь оказалась крепкой, и он заканючил опять.

– А это точно я? – засомневалась Тия.

– Ну, давай еще что-нибудь. Как, всё-таки, Мешку мстить будешь? Как накажешь?

– Стыдно, – девушка закрыла лицо руками. – Унизительно, что из моего подсознания это чудовище вывалилось.

– Вот униженность и стыд-то и воплотились в реальности. Так уж у нас устроено – всё самое потаенное вываливается наружу.

Тия уставилась на Волка. Неужели этот свирепый зверь так мудро и многословно изъясняться умеет?

– Но делать что, как от него избавиться? Я нового похода с ним не перенесу. Еще и жрать постоянно требует, придушила бы на месте.

– Потому и требует, что придушить хочешь. К любой живой твари с лаской подходить надо. Тем более к своему подсознанию. Вот ты пониманием да принятием приручить не пробовала?

– Каким принятием? Да после того, что он со мной сделал!.. – Тия обернулась к Ворону за поддержкой.

Тот встрепенулся:

– Всё уже случилось, проявилось, произошло. Дальнейшее зависит от твоей реакции. Человек слаб, ему трудно не крутить колесо.

“Опять загадки”, – поморщилась Тия и пристально посмотрела на своего мучителя.

– Есть хочешь, говоришь? А вот тебе – курочка гриль!

Из ниоткуда посередине комнаты появился аппетитный, с золотистой корочкой цыпленок на блюде, поплыл, источая масляный аромат по воздуху. Мешок заскулил в нетерпении, даже Рыжий поднял голову, пригнувшись. Как только блюдо подплыло поближе, обжора бросился на него. Но как он ни пытался ухватить «птичку», ничего не получалось – лапы проходили и сквозь золотистую плоть, и сквозь тарелку, как через фантом. Он попробовал ухватить еду пастью, но всё было тщетно. Курочка уплыла сквозь стену. Мешок в отчаянии грыз цепь.

– Остроумно! – воскликнул Ворон. – Что это было? 3D-муляж запеченного цыпленка из духовки?

– 4D, – поправила девушка, – еще же запах!

– Ну, что я говорил! Мне такое издевательство бы в голову не пришло.

– А теперь, Мешочек, наслаждайся, – насмехалась Тия, – песочный пирог с вишней!

Сочась соком спелых красных ягод, парило в воздухе горячее произведение кулинарного искусства, соблазняло запахом.

– Пльиви-дразни, – легко махнула Тия, и пирог поплыл в угол.

Далее в комнате по очереди возникали и исчезали: вепрево колено на вертеле, блинчики, фаршированные красной икрой, прозрачный янтарный балык, холодец из фазана с артишоками и прочие деликатесы. Мешок бесновался и исходил слюной, Рыжий фыркнул и выскочил на улицу.

– Вот она – месть, это я понимаю! – радовался Ворон. – Давай его, еще-еще!

– А настоящую еду я смогу теперь наколдовать?

– А то! Ты, забыла, как каркала ему?

– Могу, но не буду, – решила Тия. – Ну вот и всё, – повернулась она к Ворону, – пусть сидит здесь веки вечные и муляжи ловит. Пока от тоски да голода не сдохнет.

– Да уж, точно – веки вечные. Дом здесь тысячелетия стоит, в землю врос. Буду новеньких сюда на экскурсию водить, неслыханный аттракцион мести показывать, – мечтательно зажмурился Ворон.

– Нам пора, – просунул голову в дверь Волк.

Тия вышла из избушки, не оглянувшись на Мешка. В той же последовательности в комнате появлялись и проплывали аппетитные блюда, а он также жадно и тщетно набрасывался на каждое.

Снаружи опять ждало серое небо, серый снег и ничего кроме неба и снега.

Рыжий двинулся вперед, торить тропинку, Тия последовала за ним.

– Тут недолго осталось, – каркнул сверху Ворон.

Девушка сделала несколько шагов и остановилась. В груди неприятно саднило: «Что, если Волк прав, и Мешок – часть моего подсознания. Он меня мучил, душил, убивал, теперь я его. И конца этому не будет», – от неожиданной догадки она споткнулась, упала на колени в снег.

«Колесо! Так и будем бесконечно крутить колесо. Мешок – часть меня, как и всё в этом мире», – Тия решительно поднялась и побежала назад, к избушке.

– Никак соскучилась уже? – ехидно бросил Ворон.

Она заскочила в домик.

– Пусть еда будет настоящей, а цепь – длинной, – негромко сказала в пустоту комнаты. Мешок тут же захрумкал и зачавкал, а Тия улыбнулась, добавила: – И сандалики, те самые, плетеные, на лапы, – и толкнула дверь.

Ворон и Волк ждали.

– Пусть трескает на здоровье, – издали заговорила девушка.

– Ну, дорогая, – перебил ворон, – уж не знаю, что ты там сделала, но сделала “по сердцу”, – и издал такой тонкий и нежный звук, что Тия замерла: неужели воронье горло на такое способно?

– Смотри, новогодний фейерверк, будь он неладен, сам к нам прикатил! На моей памяти впервые Уруборок такое вытворил.

Тия обернулась и ахнула: на месте перевернутого домика, нависая над ней, сверкало, искрилось и сияло огромное колесо, размером с многоэтажный дом. И куда делась вся серость? Теперь снег и небо полыхали разноцветными огнями. В голове откуда-то всплыла странная фраза: “London Eye, но крутится в сотни раз быстрее”. Всплыла и исчезла.

– Ну молодец, ну умничка! – продолжал Ворон. – А то гоняться нам за этим колесиком еще невесть сколько по морозу.

– А теперь-то что делать? – Тия зажмурила глаза от блеска.

– Как что? Прыгать, и дело с концом, – Ворон перелетел ближе к Тии.

– Как “прыгать”? – ахнула девушка.

– Как-как! Можешь – с закрытыми глазами, можешь – с открытыми. Хочешь – кричи, хочешь – молча. Если между спицами проскочишь – быть тебе на твоём берегу живой и здоровой. Вспомнишь всё – кто ты, зачем ты.

– А если не проскочу?

– А зачем об этом думать? Не перепрыгнешь – крутиться будешь на колесике. Знаешь, сколько их там, вращающихся? И себя не помнят, и зачем крутятся, не помнят, потому как во власти гаденыша этого».

* * *

Даша поставила точку и плюхнулась на кровать. «И себя не помнят, потому как во власти гаденыша этого», – повторила она слова Ворона. Эта фраза тревожила, что-то пробуждала в памяти, но что? Она вспомнила синие глаза Рината, его крепкие руки: «Мстить – как дьявола в себя впустить. Будешь сама над собой не властна».

«Точно! Как я раньше не понимала этого? – застонала она. – Всё, что я могу сделать, всё, что от меня зависит – вести себя достойно сейчас! Игорь, Зюма и компания – в прошлом, в моих силах и оставить их в прошлом». Она схватила телефон и набрала сообщение: «Ронка, извини за сегодня. Я поняла, для чего прощать. Из текста поняла, представляешь? Новая глава у тебя в почте!»

Глава четырнадцатая

– Картина Репина «Не ждали», – Донкихот извернулся змейкой, сполз на пол. – Маслом. Маргарином. Бли-и-ин...

– Не юродствуй, писака, – в дверях кабинета стояла Ада. Стояла, как несломленная мученица на эшафоте, с прямой спиной, развернутыми плечами и высоко поднятой головой. – Я про вашу контору статью написала. Как честный человек, я сначала прочитаю вам. Всем. – Ада раскрыла папку. – Итак, «Этика поэзии и метафизика абсурда».

– О как! – Карлыч заинтересованно повернулся к новоприбывшей. – Ну, заявка серьезная.

И понеслась душа в рай. Сначала пегасовцы узнали, что Пегас – это лошадь, и называть литературную студию «Пером Пегаса» неверно, ибо... и далее последовал ряд доказательств о шерсти, перьях и филологических казусах и несоответствиях.

– «Шерстинка Пегаса» или «Перо из крыла Пегаса», – гремела Ада. – На худой конец «Крылья и копыта», что абсолютно соответствует несовершенству, а попросту говоря, уродству ваших опусов. – Воинственным жестом выбросила вперед руку.

– Куда её понесло? – прошелестел Донкихот.

– Да! Понесло! Давайте начнем с разбора виршей...

Досталось всем. И за кривые рифмы, и за верлибры, и за безыдейную лирику, и за пафосную гражданственность.

Донкихот обернулся к подругам:

– Слушайте, откуда она всё это знает? Кто «крот»?

Рона с Дашей переглянулись, пожали плечами:

– Ага, с начала декабря ведь не показывалась. Тихо, послушаем «глас народа».

А «глас народа» плавно перешел к разгрому прозы:

– Что мы с вами имеем в прозаических потугах? Жалкие попытки переплюнуть великих.

Ада вещала о неореализме и табуированном необарокко, о размытости границ между массовой и интеллектуальной литературой. О постмодернизме и «дискурсе» как основном термине постмодернизма. Сравнивала тексты пегасовцев с рассказами, повестями и романами известных авторов. И в завершение пламенной речи выдала:

– Писать надо о вечном, но не подражать и не повторяться. В литературе нельзя быть эпигоном, – с треском захлопнула папку. – А вы тут фигней про вампиров до сих пор маетесь...

После такого заявления все замерли. Напряжение повисло в воздухе – только кинь неосторожное слово-искру, и взрыв неминуем. Счастлив был только Карлыч:

– Ну, удивили, приятно удивили, – потер от удовольствия ладони, оглядел аудиторию. – Как вам обратная связь?

Пегасовцы потрясенно молчали, а Ада изумленно выдохнула:

– Я же вас ругаю...

– Хе-хе, дорогая моя, вы не ругаете. Вы пытаетесь докопаться до первооснов. Найти причины и понять, поднявшись над уровнем «нравится-не нравится».

– Не будет сегодня огнетушителя, – буркнул Санчопанса.

– Тебе же сказано, не будь эпигоном, – хихикнула в ответ Даша.

Карлыч отработанным ораторским жестом, подняв вверх правую руку, заткнул болтунов:

– Критика обращается к фактам, она конструктивна и доказательна, и вы в своей... кхм... статье, по большому счету, рассказали о произведениях, а не о вкусах критика. В данном случае – ваших. Критикесса вы моя, или критиканка..., – порозовевшая от похвал Ада при последних неосторожных словах вскинулась, сжала кулаки. – Да не вставайте вы в позу! И о феминитивах поговорим. Позже. Потом. После. А пока будем развивать ваш незаурядный талант критика. Присоединяйтесь.

Ада гордо прошествовала к свободному месту.

– Бли-ин, – карандаш хрустнул и разломился в пальцах Донкихота.

– Х-ха! – ответствовала «критикесса» и, устраиваясь неподалеку с Роной, громко спросила: – А вы повесть дописали? Было интересно.

Карлыч подхватил вопрос:

– Да, девушки, как у вас дела с повестью? Заявка была хорошая.

– Почти закончили, – Даша уставилась в блокнот. На листке возле перевернутого домика сидел волк и над ним парил ворон. – Последняя глава осталась.

– Вот и славно. Надеюсь, на следующей встрече мы её услышим, – задумчиво потер подбородок. – Очень бы хотелось, да... Есть у меня кое-какие идеи, а сейчас, – приосанился, блеснул стеклышками очков, – давайте перенесем нашу встречу в неформальную обстановку. В кафе. Девочек наших поздравим, всё-таки Восьмое марта на носу, – опасно покосился на Аду.

Но та сидела и улыбалась. Ада улыбалась! Вечно насупленное лицо преобразилось, сияли глаза, разгладилась вертикальная складка на лбу.

– Ты глянь, глянь, – Даша толкнула Рону в бок локтем, – скорпионша-то наша, а?! Хороша, – вздохнула завистливо, – и кожа, как у младенчика. Мне б такую.

Подруга хохотнула:

– Вот что добро да ласка делают: любого в человека превращают.

* * *

В кафе пегасовцы заняли в полуподвале маленькую комнату. Было в ней нечто булгаковское, из «Мастера и Маргариты»: крашеная пековым лаком голландская печь, кружевная занавеска на окне, книги на стеллаже до потолка. За овальным сосновым столом места хватило всем. Ада и Зюма сидели рядом и взахлеб обсуждали сетевую поэзию. И это уже не удивляло. Зюма изначально считала «Перо Пегаса» никчемным времяпровождением для тех, кому «не повезло в жизни», «книжек со стихами» не читала принципиально, а нынешняя Зюма-Зинаида – «царица муз и красоты» за время в литературной тусовке знаний по теме поднабралась. И вполне предметно спорила с новоявленной критикессой клуба, пока между ними не втиснулся Карлыч. Попеременно обращаясь то к блондинке, то к брюнетке, расточал изысканные комплименты и цитировал классиков, превознося «красоту и очарование присутствующих дам».

«Кто бы мог о таком помыслить», – Даша отхлебнула из чашки, поморщилась: чай оказался слишком крепким.

Она толкнула локтем Рону:

– Глянь, Карлыч красава какой. Костюмчик ему идет. И галстук итальянский, дизайнерский.

– Ага, только рубашечка фланелевая, в клетку, – подтрунила подруга и добавила: – Вот что «лубофшь» с человеком делает.

– А помнишь, полтора месяца назад?

Рона смешливо фыркнула:

– Ничего нет нового под солнцем. Одна любовь потеснила другую. Теперь кто кого: Зина – философию или наоборот.

Память услужливо показала картинку, как в конце января началось заседание «Пера Пегаса».

– Ронка, смотри, кто пожаловал. Интересно, одна или с компанией?

– Одна. Это я её пригласила.

– Спятила?!

– Что сразу – спятила? Случайно в столовке столкнулись, ну, я ей и предложила «на огонек» заглянуть.

Карлыч на тихое: «Извините за опоздание. Можно войти?», приподнялся и, не отрывая глаз от белокурой красавицы, зачарованно «разрешил»:

– В-вы не опоздали... П-почти... На с-свободное место, пожалуйста, присаживайтесь.

Девушка оглядела аудиторию, и Рона приглашающе махнула рукой, указав на соседний стол.

Даша зашептала возмущенно:

– Нашла новую подружку? У меня за спиной?

– Она тебе друг или враг? – почти не разжимая губ, спросила Рона.

– Враг! На всю жизнь враг.

– Забыла старое правило: держи друзей близко, а врагов еще ближе? – острый взгляд из-под ресниц заставил Дашу прикусить язык. – И вообще, не говори гоп, пока... – резко оборвала разговор, услышав вопрос Карлыча.

– Как вас зовут?

Блондинка остановилась, развернулась, четко и громко произнесла:

– Зюма! – но вызов в её голосе не вязался с поникшими плечами.

– Ах, я у вас имя спрашиваю, – Карлыч даже руками всплеснул, – а вы мне какую-то кличку называете.

– Зина. – По аудитории волной пролетело сдавленное хихиканье. Вот, мол, не повезло бедолаге с именем. Видно что-то у родителей перемкнуло, наградили дитятко. – Зинаида.

– Зинаида, – Карлыч мечтательно закатил глаза. И, будто смакуя слово на вкус, повторил: – Зинаида.

Пегасовцы замерли. Такой реакции предвидеть не мог никто. А Карлыч домиком сложил ладони перед грудью:

– Какая удивительная гармония в этом имени «Зина-а-а-ида». Нежная зелень весенней листвы на тонких золотых ветвях и хрустальный звон капли. Совершенство цвета и звука, – лицо его сияло, как у ребенка, впервые увидевшего новогоднюю елку:

*– Царица муз и красоты,
Рукою нежной держишь ты
Волшебный скипетр вдохновений,
И над задумчивым челом,
Двойным увенчанным венком,
И вьется, и пылает гений.*

– Карлы... Рустем, вы чего это, а? – Донкихот даже привстал с места, а Санчопанса, наоборот, почти сполз под стол.

– Это не я. Пушкин. Пушкин княгине Волконской, – замахал руками Карлыч, не отрывая пылающего взора от «царицы муз». – Садитесь, Зинаида, садитесь. Добро пожаловать!

Громкий звонок вернул Дашу в пропитанную кофейным ароматом комнату к галдящим и хохочущим «пегасовцам». Рона лихорадочно шарила в сумке, нашла телефон, поднесла к уху, откинулась на стуле и будто выпала из общего разговора. Тихо и односложно отвечала, потом сказала: «Подожди, сейчас включу видео».

«Могла бы и выйти, если разговор личный», – Даше было и любопытно, и не хотелось навязываться с вопросами: кто, что и почему. Она включилась в общее веселье. Карлыч, обнимая Аду и Зину, на лету придумывал лимерики о каждом из сидящих за столом. И это получались хлесткие, парадоксальные, но не злые эпиграммы. Девушки хохотали, Донкихот лупил по спине товарища: «Вот отжигает! Давай, профессор, круши-кроши!», а Санчо только постанывал от смеха и вытирал катящиеся по щекам слезы.

– С тобой Ринат хочет поговорить, – Рона притянула подругу поближе к себе.

– Привет, – Даша помахала ладошкой, – а мы тебя вчера вспоминали. И не только тебя.

– Привет, – лицо рыжего расплылось в улыбке, – знаю я. Всё про всех знаю.
– Приветтики! – между подругами неожиданно вклинулась Зинаида. – Слышу, тут знакомые все лица!
– Хей, спортсменка-красавица! Отлично выглядишь. Как твои ребрышки?
– А что им сделается? Все при мне – нового Адама не слепили.
Даша ревниво повела плечом, вытесняя новоприбывшую:
– Зина, у нас тут разговор.
– Ладно, не мешаю! Чмоки-лавки, спаситель мой! – послав воздушный поцелуй, красавица вернулась в компанию. А Даша почувствовала, что не питает к ней злобы, что в сердце не осталось ненависти: она поняла Зюму и готова простить Зинаиду.

Глава пятнадцатая

«Ронка, я всё думаю над нашей повестью», – днем позже Даша отправила сообщение подруге. «А чего думать – писать надо. И заканчивать», – ответ прилетел мгновенно. «К следующему заседанию клуба успеем?» – «На следующее – у них поэты, там Донкихот с верлибрами, Санчопанса с поэмой и Зина с первыми стихами». – «Зюма? Со стихами?»

Образ «нежной поэтессы» совершенно не подходил Зинаиде. Даша вежливо терпела её в «Пегасе», пока они не столкнулись однажды в университетском интернет-центре.

– Можно тебя на минутку? – Зюма потянула её к окну. – Слушай, ты прости меня. Я ведь понимаю, какой дрянью была.

Даша вздрогнула, недоверчиво уставилась на блондинку.

– За всё, что со мной случилось, на тебе отыгралась, – продолжала та, – в каком-то забытии была все эти месяцы, сама не своя. Повелась на смазливую мордашку, не знаю, откуда вся эта гадость лезла. Ноги об меня вытирал, а я перед ним на задних лапках, как собачонка, прыгала, – она закрыла лицо руками.

– Да ладно, не переживай ты так, я зла не держу уже. Я и сама повелась на мордашку смазливую.

– Я так удивилась тогда, после ночи-то новогодней. Удивилась, что ты не стала бегать за ним и просто ушла из компании. В этом было та-акое достоинство, та-акое уважение к себе...

Даша хмыкнула, вспомнив долгие депрессивные дни после праздника.

– Вот, ребра поломала, и тогда до меня дошло. Два года за Игорьком бегала, из кожи вон лезла, лишь бы сделать ему хорошо. А он борд забрал и меня на склоне бросил. Было о чём подумать в больнице. Прости, – еще раз сказала Зина и отвернулась.

Даша мягко тронула её за плечо и пошла к свободному компьютеру.

Ненависть окончательно испарилась, остались только жалость и сочувствие к этой «Изюминке».

«Зинаида, как поправил бы тебя “голова Пегаса”. Да, Карлыч настаивает, ну ты же всё понимаешь». Строки появлялись на экране, торопили, подстегивали. «Давай через одно тогда?» Даша, затаив дыхание, ждала. «Давай, тебе прыгать через колесико». – «Как мне?» – и тут же вдогонку: «В прошлый раз я главу писала, мы же по очереди?» – «В Питере я одна отдувалась, теперь ты с Уроборосом воюешь», – смайлики в конце сообщения и сердечко миролюбиво светились на экране. «Да не бойсь, прыгай, я и отредактировать помогу, и, если пробуксовки будут, подтолкну». Даша улыбнулась: «Вот Ронка, умеет убедить...»

Прыжок затянулся на полтора месяца. Первые три недели она никак не могла собраться и сесть за повесть. Семинары и коллоквиумы отвлекали, уводили внимание от текста. Когда Карлыч на апрельском заседании клуба объявил, что заключительный семинар будет посвящен разбору прозы и многозначительно посмотрел на сестер Корвинских, Рона поднялась и заявила:

– Запишите нас, пожалуйста, мы будем читать последнюю главу.

Даша тихонько потянула её вниз:

– Ты с ума сошла? Нет еще никакой главы.

– Прекрасно, девушки, прекрасно! Записываю вас на май, – доброжелательно кивнул Карлыч.

Подруга круглыми глазами смотрела на уверенно-спокойную Рону. «Напишешь», – одними губами шепнула та.

И Даша писала. Просыпалась пораньше, включала прохладную воду и вставала под душ. После садилась за компьютер. Утренние страницы, которые настоятельно рекомендовал вести Карлыч, пришлось отложить. «Ничего, помашешь черновиком повести, – успокаивала Рона, – кто там смотреть будет?» И впрямь, хотя Карлыч регулярно проверял, пишут ли они по его заданию, никогда не читал написанное. Считал, что может наткнуться на нечто слишком личное.

Днем Даша отсылала написанные кусочки соавтору. Вместе они правили текст, добавляя и корректируя каждый фрагмент. Каждый вечер перед сном она открывала файл и вставляла в него отредактированный кусочек. И с каждым днем слова в последней главе множились и разрастались.

Так прошел апрель, наступил май, а вместе с ним и день финального заседания клуба.

Сестры Корвинские встретились в вестибюле и решительно прошагали в аудиторию. Даша крепко держала тоненькую прозрачную папку с распечатанной главой. Когда она только пришла в клуб, её очень удивляло это требование Карлыча – распечатывать тексты. Но постепенно процесс захватил – можно сделать пометки, записать, что-то отредактировать на будущее. Появлялось ощущение живого прикосновения к буквам, к плоти повести.

Зюма сидела за первым столом и читала. Буркнула: «привет» и опять уткнулась в страницы. Она держала книгу так, чтобы все могли прочитать название. Это была «Поэзия. Учебник» – самая крутая современная книга по стихосложению. Рона хмыкнула. На прошлом семинаре стихи Зинаиды комментировал только Карлыч. Аудитория внимала, но не комментировала. Председатель мягко сказал про начинающих поэтов, про банальные рифмы и шаблонные образы. Намекнул, что надо учиться. «Вот и учится теперь Зинаидушка, попала девонька», – Даша до сих пор удивлялась такому повороту. Карлыч и Зюма, надо же! Недавняя соперница переключила внимание на преподавателя. Руководитель «Пегаса» стал приходиться на занятия в чистых выглаженных рубашках и брюках со стрелочками. «Зина, наверное, всех, в кого влюбляется, опекает по-матерински. Заботится. Но в случае с Рустиком это только на пользу. Молодец, справилась, забыла Вампира и унижения. Кто же там теперь у Игоря в няньках?»

Впрочем, павлин был выброшен из головы давно. Время от времени она видела его на ступеньках или в вестибюле университета, каждый раз в большой компании, в которой не узнавала никого. Каринка и Толян с близняшками будто испарились. «Видимо, новые знакомые более снисходительны и терпеливы, чем старые». Однажды в столовой Павлин Вампирыч сидел за соседним столиком, и подруги наблюдали «процесс прикармливания» хорошенькой

брюнетки. «Давай, кисонька, открой ротик, скушай пирожка», – приговаривал он, и бархатный голос заполнял пространство столовой. Новенькая слушалась и млела. Рона фыркнула и отвернулась. А Даша вспомнила свой пирожок. «Так это было не угощение, и не подарок, это была подачка! Так подкармливают маленьких собак, наслаждаясь властью над ними», – она тоже отвернулась, стараясь не смотреть. Было противно, жалко и себя, и девушку, но еще жалче Игоря: «Ничего нового, всё по старой проверенной схеме».

Заседание началось с обсуждения планов на лето. Донкихот, Ада и Санчопанса теснились за одним столом. Понятно было, что рыцарь и оруженосец нашли свою Дульсиною. Зауважали после хлесткой критики. «Идальго» предлагал собраться всем на пикник в горах, как-нибудь в июле, почитать новенькое-свеженькое. Ада жаловалась, что у неё летом онлайн-семинар с московским критиком, нагрузка непомерная. Карлыч не говорил ни да, ни нет, посматривал за Зину и почему-то думал о путешествии к турецкому берегу. Зина загадочно улыбалась и тоже молчала.

– Ну, дорогие, будет июль, будем посмотреть, – заключил наконец Карлыч. – А сегодня у нас на повестке дня Корвинские. Прошу, мы все заждались, – пригласил он подруг.

Даша поднялась и прошла к кафедре. Странное это было ощущение – выходить не для ответа, а для чтения своего текста. Никак не привыкнуть. Она повернулась к слушателям, встретила взглядом с Роной. Подруга кивнула. И Даша начала читать.

* * *

«Вдруг в небе раздался грохот, и отражением колеса земного в серой пелене возникло еще одно – небесное. Оно было намного больше, чем то, что зависло перед ними, и лежало в другой плоскости, но отражало всё безумное мельтешение огоньков и всполохов земной карусели.

Ворон задрал голову и каркнул. Рядом завыл Волк.

– Дождались, Рыжий, дождались! – закричала птица. – Вот уж не думал, что свобода так близко!

– Свобода? Моя свобода? – Тия разглядывала небесное зарево, которое, сияя, раскручивалось в облаках.

– Твоя свобода. Моя свобода. Свобода Рыжего, – Ворон прыгал по снегу, встопорщив перья.

Девушка оторопела – никогда она не видела своего проводника таким возбужденным.

– Ничего не понимаю.

– И не поймешь. Когда моя тетка освободилась, она рассказывала мне, молодому да зеленому, как это было. Про то, как смогла выбраться из этого бесконечного дня сурка.

– Неужели это то самое? – вздыбил шерсть на загривке Рыжий.

– То самое, волчок, как пить дать то самое!

– И вы тоже освободитесь? – спросила Тия.

– Есть шанс, – заверил Ворон. Он снова стал серьезным и мрачным. Мгновенная вспышка радости испарилась.

– Значит, мой прыжок будет удачным?

– Я не вправе тебя обманывать. Нет, это ничего не значит. Всё зависит от тебя, от твоей смелости. Эта небесная иллюминация означает лишь то, что мы с Рыжим свое дело сделали правильно, и у нас есть надежда на освобождение.

– Если затянет тебя в “колесико”, нам долгонько в этих льдах бегать, маяться, – подтвердил волк.

– Нет, погодите, как же так? А если случится так, что я освобожусь и вы освободитесь. А кто же здесь останется? Если такие, как я, будут и дальше сюда попадать, кто же провожать будет?

– Придут те, кто не служил. Это процесс бесконечный. Я, вот, тетку сменил на посту, да и другие родственнички подрастают.

Кольцо приблизилось, окрасило Тию и её спутников разноцветными всполохами.

– Зовет, давно пора, – сказал Ворон, – не подведи, и мы следом тогда. – Протянул девушке черное перышко: – Возьми, поможет.

Тия бережно взяла перо, расстегнула куртку, положила в нагрудный карман, поближе к сердцу.

Она посмотрела на колесо, которое казалось огромным и сверкало пугающе близко: “Неужели через миг все решится? После бесконечных блужданий по этому странному миру один прыжок – и моя судьба определена?”

– Ворон, миленький, подсажи – как лучше прыгнуть? Ну ты же видел, как прыгали многие до меня?

– Не тормози, это самое главное, беги в будущее на полной скорости. Вот и всё, больше нет никакого рецепта. Если душа твоя чиста, если нет в тебе апатии и мрака – проскочишь. Давай, это твой прыжок веры.

– И наш тоже, – прорычал Волк.

– Мы больше не увидимся?

Ворон и Волк молчали.

– Прощайте, – выдохнула Тия. Она смотрела и смотрела на друзей, пытаясь запомнить их навсегда.

Ворон кивнул.

Тия отошла метров на пятьдесят, развернулась, вдохнула-выдохнула и рванула вперед, как за последним автобусом. Домчавшись до колеса, она поняла, что не попадает между прутьями, резко затормозила, но тут же почувствовала сильный удар в спину – Волк в прыжке толкнул её лапами. Она зажмурилась и легко проскочила сквозь призрачные спицы.

“Это не прыжок, а полет какой-то”, – девушка медленно двигалась в пространстве колеса, изнутри похожего на большой туннель. Её мягко кружило и подбрасывало в восходящих потоках воздуха. Здесь, внутри, оказалось так тепло и приятно. Ворон, Волк и этот холодный заснеженный мир, по которому она долго бродила, остались далеко позади. Вдруг перед ней возникла прозрачная капсула-камера. Она уплывала куда-то вверх и вперед, туда же, куда летела Тия, но двигалась гораздо медленнее. Внутри, подложив под щеку сложенные ладони, сладко спала светловолосая незнакомка. Кого-то она напоминала, но кого?

Путешественница прилипла к стеклу, разглядывая спящую. “Как же там уютно. Может, это и хорошо – вот так спокойно спать, отдыхать и никуда не бежать?” А потом всплыло памятное с детства: “Перед ним, во мгле печальной, гроб качается хрустальный, и в хрустальном гробе том спит царевна вечным сном”. Тия изо всех сил стукнула кулаком по поверхности и увидела, как веки золотоволосой красавицы дрогнули. И тут же следующая капсула призывно распахнула дверь. Вдруг что-то грубо кольнуло в груди. “Перо. Ворон. Рыжий. Мешок”, – вспомнила она всё тут же. Закричала: “Не-е-е-ет!” и, выставив вперед руки и ноги, оттолкнулась от стекла. Её швырнуло дальше, она опять увидела спицы колеса, и вылетела из сна».

В этот момент чтение было прервано громким стуком. Дверь отворилась, и в аудиторию вступил Заруцкий.

Глава шестнадцатая

Даша подняла глаза от повести и увидела бывшего кумира в двух метрах. Он был один. Светлый костюм, какая-то нелепая блестящая дамская брошечка на лацкане пиджака. Улыбка – не веселая, но значительная. «Какой тяжелый взгляд и глаза навывкате! Сразу как-то не по себе. Почему я раньше не замечала?» Даша непроизвольно отступила за кафедру, под защиту Карлыча.

– Ох, ради бога, простите, видимо, видимо, перепутал время, – протяжно проговорил Игорь. Дашу бросило в жар, как будто это она опоздала и стояла теперь в дверях перед всем клубом.

– Ну что же, заходите, коли пришли, – раздосадовано отозвался Карлыч.

Игорь подмигнул Даше и прошел к первому столу, сев рядом с Зюмой. Блондинка смерила непрошенного соседа холодным взглядом и протянула: «Ой, ну-у надо же-е-е». Демонстративно встала и пересела на свободное место.

– Зинаида, что случилось? – удивился председатель.

– Простите, у меня аллергия на хамство, – ледяным тоном ответствовала блондинка. Она скрестила руки на груди и презрительно скривила губы.

Председатель клуба нерешительно пожал плечами и с подозрением уставился на Игоря.

– Ну хорошо, все разместились, наконец, можно продолжать, – кивнул он Даше.

Руки, держащие листы с повестью, задрожали. Голос не слушался, дыхание сбивалось. Через какое-то время Даша всё-таки овладела собой и, чувствуя, как краснеет, продолжила:

«За окном светило яркое весеннее солнце. Тия подняла тяжелую голову с подушки и тут же уронила её опять. “В каких потемках бродила моя душа? Что это было за забытьё? И интересно, удалось ли освободиться Ворону и Волку из заснеженного плена?” Вопросов было больше, чем ответов, но теперь она знала, кто она и откуда. Она вспомнила детство, родителей, друзей и знакомых. “Новый день впереди, не до потемок теперь. Но как же хорошо, что я вернулась, что вот она – я! Настоящая!”

Тия села в кровати. “Я прощаю свое прошлое. И я прощаю себя в этом прошлом. Пусть в моей жизни было чудовище, которое увидело мою слабость и воспользовалось ею. Пусть я вела себя глупо, идиотски глупо и никак не защитила себя. Но я не стану думать, что в мире есть только зло. Несмотря ни на что, я пойду дальше и буду верить в новые хорошие встречи и в свое будущее”.

Тия дотронулась до нагрудного кармана пижамы. Что-то нежно укололо пальцы. Секунда – и на ладони лежало перо. Оно стало белым».

Даша нервно свернула в трубочку листы с повестью, потом опомнилась, развернула и аккуратно подала Карлычу. Стараясь не смотреть на Игоря, прошла к своему столу.

«Вот это я понимаю, прыжок!» – шепнула Рона и показала большой палец вверх.

– Ну, девчонки, вы – молодцы! – выкрикнул Донкихот.

– Так закрутили, – поддержал Санчопанса и восхищенно присвистнул.

С кафедры улыбался и довольно кивал Карлыч.

– А у меня для вас замечательная новость! – с места вдруг поднялся Игорь. Чтобы привлечь внимание зашумевших было пегасовцев, он поднял вверх пестрый глянцевого журнала.

– Меня опубликовали. И так как вы еще не знакомы с моим стихотворным творчеством, так сказать, я прочитаю вам сейчас мои стихи.

Участники клуба замерли от неожиданности. Поэт, воспользовавшись минутной паузой, прошествовал к кафедре, где только что стояла одна из сестер Корвинских.

– О боже, я помню стихи, которые он читал мне в парке, – шепнула Даша Роне, – лучше не надо. – Она зажмурилась.

– Стоп-стоп-стоп, молодой человек, – взволнованно замахал руками Карлыч, – я всё понимаю, но нельзя же, действительно, так бесцеремонно врывать в наше пространство. Если бы вы посещали наши встречи, то помнили бы, что у нас сегодня обсуждение прозы. – Рустик вышел из-за кафедры и скрестил руки на груди: – Так что записывайтесь на чтение стихов в следующем учебном году, и пожалуйста, милости просим.

Игорь скривился и, не обращая внимания на слова преподавателя, демонстративно открыл журнал.

– А что за издание, позвольте спросить? – поинтересовался Донкихот.

– Уважаемое и почтенное издание, – гордо возвестил Игорь, – журнал «Проснись, поэт!»

Донкихот, не сдержавшись, захохотал в голос.

– Да в этой шарашкиной конторе кто угодно опубликоваться может, – включился Санчопанса, – деньги плати – и будет тебе счастье.

– Раскройте тайну, молодой человек, сколько серебрянничков нынче публикация стоит? – Донкихот подобострастно склонился и сложил ладони в молитвенном жесте.

Теперь смеялись уже все. Лишь Ронка ехидно улыбалась плотно сжатыми губами.

– Ну что же, голубчик, тем более, давайте от чтения ваших стихов, – Карлыч выделил слово «ваших», – сегодня воздержимся. Жаль, что вы не пришли раньше. Послушали бы с самого начала финальную главу Корвинских – вот где было удовольствие.

– Да, давайте главу лучше обсудим, – возмутилась Ада, – хорошая же вещь получилась! Хоть и недоработанная еще.

Игорь побледнел и злобно посмотрел на сестер Корвинских:

– Здесь только графоманы и завистники, – он театральным жестом закрыл журнал и вышел из аудитории, с силой хлопнув дверью.

– Дорогие сёстры, простите за этот инцидент. И позвольте вас поздравить с удачным финалом, – улыбнулся Карлыч.

Донкихот бурно зааплодировал, и к нему присоединились остальные «пегасовцы».

– Но, – воскликнула Ада, перебивая аплодисменты, – друзья, а не кажется ли вам такой финал чересчур пафосным?! Мол, добро побеждает зло, и героиня шагает вперед, в светлое будущее?

И «пегасовцы» заспорили, как всегда, перебивая друг друга. Даша строčila, записывая комментарии. Ада, перехватывая слово у других участников, говорила про избыточность и лишние слова, про потерю темпа в середине повествования и прочие важные вещи.

– Ну что же, я буду краток, – выслушав прения, заговорил Карлыч. – Прислушайтесь к Аде, я помогу с редактурой и предложу вашу повесть в пару журналов, и заметьте, совершенно бесплатно, – хитро прищурился он.

Это была победа. Даша ликовала и светилась, Рона казалась спокойной. Заседание закончилось, и сестры Корвинские вышли на улицу. Их поздравляли и обнимали «пегасовцы». Наконец, подруги остались одни.

– Мне нужно тебе кое-что сказать, – Рона закуталась в черный ажурный шарф.

У Даши кружилась голова, она присела на скамейку.

– Ты тоже хочешь предложить нашу повесть в какой-нибудь крутой журнал? – предположила она. – Или сразу отдельной книжкой опубликуешь?

– Я уезжаю.

Даша закашлялась.

– На лечение?

– Нет.

– А куда? И когда вернешься?

– Очень и очень надолго. Сразу после сессии – в Питер. Универ уже там буду заканчивать, а после сразу магистратура.

Даша почувствовала, что ноги стали ватными и со скамейки она встать сейчас не сможет. «Слишком много для одного дня», – подумала она, а вслух вырвалось:

– Значит, бросаешь?

– Что значит – бросаю? – подняла брови Рона.

«Так вот почему она такая смурная сегодня. Приняла решение, и только и думала о том, как скажет про свой отъезд. Как же я без неё?» Радость после прочтения повести испарилась. Даша поежилась, как от порыва холодного ветра.

– Мне будет тоскливо без тебя, – выдохнула Даша.

– И мне без тебя тоже. Но там Ринат.

«Ну как я могла забыть! Там обожаемый Ринат, – воскликнула про себя Даша, – конечно, я понимаю, но, блин, как обидно – ты же не первый день этот план вынашивала. И ничего не говорила при этом. Писала сообщения, улыбалась, правила повесть – всё как обычно. А сама давно променяла любимую подругу на любимого человека». Вдруг Даша замерла – всё это уже было. Было. Было. «Полгода назад кто-то без всякого зазрения совести тоже променял Ронку на Игоря. Причем в легкую», – царапнуло внутри.

– Ты понимаешь, – продолжала подруга, – там новые возможности, там крутейший старинный вуз, сильнейшие препода, там моя любовь...

Теперь Даша знала, что чувствует человек, запустивший бумеранг и легкомысленно об этом забывший. «Хорошая ответочка прилетела. Всё в этой жизни переплетено-перевито», – она ошарашенно смотрела на Рону, с трудом вникая в смысл слов.

– Мы будем на связи, – подруга присела рядом и приобняла за плечи, – не в лесу живем, Интернет, и можно хоть каждый день созваниваться. Да и самолеты летают.

– Ты уже всё решила, – сникла Даша.

Рона слегка отодвинулась, задумчиво покачала головой:

– Послушай меня и постарайся понять. Я всегда по жизни делала то, что должно. Но в последнее время что-то происходит здесь, в груди, – она приложила руку к сердцу. – Сейчас я явственно слышу внутренний голос, у меня получилось настроиться на его волну. И я дала самой себе обещание, что буду следовать этому голосу, что бы он мне ни сказал. Понимаешь, мне нужно поехать в Питер.

Даша помедлила и кивнула. Неожиданно ей вспомнился молодой голубь, там, на «голубиной» площади перед церковью. Как раз тогда Рона объявила, что ложится в клинику на лечение, а Игорь пригласил на первое свидание. Тот голубенок слишком увлекся хлебными крошками и не успел вынырнуть

из-под колес детского автобуса. Асфальт окрасился кровью, а крылья птицы раскрылись веером. «Я сейчас как тот голубь. Шея уже сломана, брызжет кровь, и нет никакого смысла дергаться. Рона решила, что уедет, и она уедет. Конец дружбе, конец сестрам Корвинским. Конец всему?»

– Все мы для чего-то нужны друг другу в этой жизни, – Рона снова придвинулась ближе, – а может, я была тебе необходима в этот период – просто для того, чтобы ты начала писать? Для того чтобы нашла свой путь? Или для того, чтобы кто-то был рядом, когда ты пустилась во все тяжкие с Павлином?

Даша опустила голову. Между деревьями пробивалась ярко-зеленая, набирающая весенний сок трава. Из молодой поросли торчали сухие хворостинки, сохранившиеся с лета, каким-то чудом сумевшие пережить зиму, мороз, снегопады и закалившиеся в этой борьбе. «Мертвые и закалившиеся – как это может быть одновременно?» Она отломилла сухой стебель, взмахнула, со свистом рассекала воздух. «Прошлым летом я знать не знала Ронку и не подозревала, что попаду в такую передрыгу с Игорем». Еще раз хлестнула хворостинкой, будто деля свою жизнь на до и после. «Так вот какой ты, сухой скелет прошлого года... И ты, молодая зеленая трава, будешь такой же в следующем году. Вечный круг». Каждое слово, сказанное подругой, больно отзывалось внутри.

– Мы еще поговорим об этом, – произнесла она через силу и перевела взгляд на Рону, стараясь навсегда запомнить каждую черту её лица.

Эпилог

Осеннее солнце отражалось в оставшихся после вчерашнего дождя лужах. Мягкий порыв ветра донес запах свежеспеченного хлеба. «Пойду, куплю булку, заточу с кофеем. – Даша подопнула желудь. – Ронка в магистратуре, рядом Ринат. А у меня рядом только компьютер и куча задумок. Некому даже дать волшебного пенделя. А как мы писали! Сестры Корвинские... Эх-х-х...» Воспоминания уже не бередили душу, как раньше. Боль расставания утихла. У каждой была своя дорога. Прошлым жить нельзя. Очередной отрезок пути пройден, надо двигаться дальше. Она ни о чём не жалела, в душе осталась только благодарность и светлая печаль о случившейся дружбе. После отъезда подруги Даша с головой окунулась в учебу. Надо было повзрослеть, чтобы понять, какие удивительные миры открываются перед ней. И литература как-то незаметно отошла на второй план. Даша по привычке писала утренние страницы, делала наброски возможных рассказов, но «Запределье» осталось первым и пока что единственным писательским опытом.

Однако повесть о приключениях Тии после точной редакторской правки Карлыча опубликовали в солидном литературном журнале. То, что журнал был не сетевым, а настоящим, издаваемым на бумаге, да еще и основанным без малого век назад, наполняло сердце гордостью. Рона купила пятнадцать экземпляров: кто-то из «пегасовцев» на каникулах встретился с ней и, вернувшись домой, притащил на заседание солидную пачку – хватило всем. Журналы пахли свежей типографской краской, тонкие страницы шелестели и почему-то напоминали о шорохе осенних листьев. Когда Даша зашла в аудиторию, её окружили «коллеги по цеху», поздравляли и наперебой просили автограф. Всё происходило достаточно сдержанно и чинно, Даша смущалась, бормотала: «За себя подпишу, за соавтора нет. Права не имею». Поглядывала на Карлыча, как он отнесется к такому нарушению дисциплины. А тот улыбался и благодушно кивал. Даша подписала журнал Донкихоту, он вежливо ска-

зал «спасибо», отошел, вдруг развернулся, ткнул Дашу кулаком в плечо и уже не сдерживаясь заорал: «Наша! Первая! Ура-а-а!!!» Крик подхватили остальные, даже Карлыч поднялся с места, патрицианским жестом протянул руку и провозгласил: «Виват!» Санчопанса с Адой отбивали барабанную дробь. И это было счастье.

С тех пор минуло два года. «Перо Пегаса» стало городским межвузовским литературным объединением, попасть в которое считалось очень престижным в студенческой среде. Даша на заседания больше не ходила. Ей было там не по себе, всё напоминало о подруге. И она решила позаниматься на писательских онлайн-курсах. Учение оказалось тяжелым, совсем не похожим на «пегасовскую» вольницу: заданные темы, строгие сроки сдачи работ, безжалостная, хотя справедливая, обратная связь. Даше не хватило пороку, поупражнялась полтора месяца и бросила. Но и на этих виртуальных курсах ей не хватало Роны: не хватало точных замечаний, быстрого взгляда из-под ресниц, тихого неожиданного смеха. Однажды, когда они болтали в Сети, подруга сказала:

– Мне на твою кислую физиономию смотреть тошно. Вылезай уже на свет из своей раковины. Страдалица.

– Все, все меня бросают... в школе, ты, даже этот Вампир павлинистый, – от жалости к себе у Даши задрожал голос.

– Вот ты дурная, – Рона присвистнула и покрутила пальцем у виска, – двадцать первый век на дворе. На одной планете живем, космолет Земля – Бетельгейзе не нужен. Не ищи трагедию там, где её нет. Используй новые возможности. – Она сняла с шеи и покрутила перед экраном кристалл. – Ну-ка, смотри.

В прозрачной глубине Даше привиделось синее-синее небо, вершины гор и крыло самолета. И Дашу отпустило. Мир не стал прежним, он стал просто другим. Появились и потихоньку-помаленьку стали оформляться планы на будущее. Как пошутили родители: «У ребенка зажигание позднее, но мощное».

Порыв ветра сорвал с веток кленовые листья, закружил красно-желтым хороводом.

– Дашуля!

Так Дашу не называл никто. Она обернулась на голос. К ней, с трудом держа равновесие на высоченных каблуках, спешила Зинаида:

– Ну ты даешь! Я тебя зову, зову! А ты в каких-то эмпиреях витаешь.

– Ой, задумалась...

– А я думала – загордилась. Нас, простых смертных, премиями не отмеченных, уже и замечать не желаешь.

Даша вспомнила, как раньше принимала такие реплики от Зины за агрессию и нападение, улыбнулась и махнула рукой:

– Прости, пожалуйста. А к премии я сама еще не привыкла, не сжилась. Я в прошлом году случайно анонс увидела, ну, дай, думаю, отправлю повесть. И, представляешь, два года назад повесть опубликовали в журнале, а сейчас за неё же премию дали. Вот так получилось...

– Ну да, ну да, бывает невероятное, – Зина покивала, – с первого захода. И премия самая престижная, и победа в номинации «Лучшая повесть-фэнтези года».

– Ага. До сих пор как во сне. Будто и не со мной. – Даша пожала плечами. – Награждение только позавчера прошло. Мы ведь повесть с Ронкой написали, а она даже приехать не смогла.

– Нас, «пегасовцев» бы позвала. Как группу поддержки.

– Не получилось бы. Церемония закрытая. Организаторы пригласили только победителей и журналистов с телевизионщиками. Даже родных нельзя было позвать. – И чтобы сменить тему, спросила: – А как Клуб поживает?

– Клуб-то? Ха! У нас то «Поэтические бои без правил», то «Филологические беседы». Это помимо регулярных заседаний. Еще «Журфиксы по средам». Там Ада-критикесса копыя отравленные мечет, – Зина расхохоталась. – Журнал, вот, думаем свой выпускать.

– Это вы молодцы. А как Карлыч?

– Руستم Арнольдovich женится. Мы ждали, пока я универ закончу, – Лицо Зины засияло, осветилось счастьем, и она ничуть не напоминала ту прекрасную гадину-блондинку, которой раньше казалась Даше. – Он сделал мне предложение. И это... свадьба, в общем, через две недели.

Красавица вдруг потупилась, поникла, теребя на пальце кольцо.

– Да не плачь ты. Всё нормально будет: колечко, вон, какое суперское, и Карлыч чел классный.

– Я не плачу. Это у меня глаза потеют, – блондинка вытерла ладонями щеки.

Они посмотрели друг на друга, рассмеялись и обнялись. Даша представила Зину, а рядом с ней с одной стороны Карлыча – всклоченного, очкастого, увлеченного философским спором, с другой – томного, вальяжного Игоря:

– Слушай, а ведь получается, что один гад нам обеим чуть жизнь не сломал. Что с Павлином стало, не в курсе?

– А что с ним станется? Существует. Универ давно бросил. Устроился в какое-то агентство по организации праздников. Поет. Бренчит на гитаре и выпивает каждый день, якобы «профЭссия обязывает».

– Ну да, каждому свое...

– Дашк, ладно... Приятно было тебя встретить, мне пора. Дела. И ты, это, – Зинаида вдохнула-выдохнула, – на свадьбу приходи. Обязательно. Ваша тролица мне новую жизнь подарила. Мы с Рустиком приглашение принесем, я адрес твой знаю.

– Ладно, договорились. Увидимся.

Девушки обнялись еще раз и разошлись.

Даша смотрела на легкие облака, бегущие по высокому небу. Ждать осталось недолго: до окончания учебы всего полтора семестра, а после должна начаться новая, пока непонятная жизнь. Летом она поедет в Москву, подаст документы на сценарный факультет. На заочное отделение. Родители понимающие и обязательно её поддержат. А после экзаменов встретятся с Роней и махнут на месяц в Непал – исполнится еще одна мечта. И два раза в год, во время сессий, можно будет, пусть нечасто, но видеться с подругой и Ринатом. Всего четыре часа «Сапсаном». Четыре часа между Москвой и Петербургом, и Ворон, Волк и Тия опять будут вместе.

А потом она, Даша, вернется домой в свой прекрасный и любимый город у подножья гор. На землю семи рек. К терпкому запаху полыни в вечерней степи и хрустальной воде горных ручьев. Вернется и скажет: «Здравствуй, Город! Я свободна!»

